

ЖНА КАЛПЯЕВА

ДАРМ-3

ПОВТОР

ТЫ - СВОЕ ГЛАВНОЕ ОРУЖИЕ

Яна Каляева

Даром-3. Повтор

«Автор»

2026

Каляева Я.

Даром-3. Повтор / Я. Каляева — «Автор», 2026

Неужели все до единого люди оказались мелкими эгоистами? Что насчет тех, кто мечтал изменить мир? Они вошли в силу, и настало их время. Теперь каждый из них перестраивает окружающую действительность сообразно собственным представлениям о прекрасном и должном. Чтоб положить этому предел, Саша должен превратить себя в абсолютное оружие.

© Каляева Я., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Эпиграф	5
Другими глазами. Немного счастья по выгодному тарифу	6
Глава 1. Управление гневом	13
Глава 2. Звони, если что	17
Глава 3. Торжество любви внутри торжества любви	22
Глава 4. То ли поезд тронулся, то ли я	28
Глава 5. Попытка к бегству	34
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Яна Каляева

Даром-3. Повтор

Эпиграф

— А все-таки? Вот пусть я волшебник. И я вам говорю: загадайте три желания. Любые, какие хотите. Самые сказочные. И я вам их исполню. Ну-ка?

Я очень любил этот вопрос и задавал его при каждом удобном случае. И мне всегда было очень интересно, что из тысячи мужчин и женщин, стариков и ребятишек всего два-три десятка сообразили, что желать можно не только для себя лично и для ближайших тебе людей, но и для большого мира, для человечества в целом.

Стругацкие, «Хищные вещи века»

Другими глазами. Немного счастья по выгодному тарифу

— Это несправедливо.

Виктор пожал плечами, забыв, что собеседник его не видит — веб-камера на стареньком ноутбуке с надрывно гудящим вентилятором давно не работала. Однако пользователя Немо отсутствие ответа не обескуражило. Он продолжил печатать в окне личного чата:

— Несправедливо, что все эти эгоисты получили исполнение своих мелких фантазий, даже самых гаденьких. А вы, человек, мечтавший о счастье для всех, вынуждены служить аниматором на корпоративах.

Виктор тяжело вздохнул и подавил соблазн переключиться на другое окно. Честно говоря, ни малейшего смысла в подобных разговорах он не видел. Что есть, то есть. К чему жаловаться на судьбу? Но неловко, все-таки человек сочувствие проявляет...

С Немо они познакомились, если это можно так назвать, в группе в социальной сети, посвященной горячей теме — обсуждению Даров. Однажды кто-то завел тред о людях, которые семнадцатого декабря мечтали о чем-то глобальном — об изменении мира и переустройстве жизни для всех. Несколько пользователей откликнулось и призналось, что это, скорее всего, их случай. Мечты у всех оказались разные. Девушка с анимешной аватаркой написала, что человечество спасет любовь. Интеллигентный пенсионер топил за справедливость. Некто с пустым профилем и без аватарки свято верил в порядок и дисциплину. Разумеется, Одарение никому не позволило изменить ни мир в целом, ни даже одного конкретного человека навсегда. «Бодливой корове Бог рогов не дал», — думал Виктор, читая комментарии. Все эти глобальные мечтатели вместо преобразования человеческой природы получили способность ненадолго и поверхностно влиять на настроение окружающих — как и сам Виктор.

Он сперва вообще не хотел влезать в этот тред, но потом все же решился коротко рассказать о себе — вдруг другим людям станет легче от того, что еще кто-то оказался в таком же положении... Сейчас Виктор уже свыкся со своей ситуацией и не видел ничего унижительного в новой работе, но в первые месяцы после Одарения чувствовал себя обманутым; правда, на это еще наложилось охлаждение в отношениях с женой и последовавший развод... В общем, Виктор собрался с духом и написал, как мечтал, чтобы однажды утром все люди проснулись счастливым — а получил способность навевать что-то вроде кратковременной эйфории. Так уж фишка легла. Он был обижен и расстроен, но потом осознал и принял, что Дары сбалансированы по степени влияния на окружающий мир. Если бы Виктор получил возможность изменить человечество, а кто-то другой — чесать себе спину, это было бы несправедливо. Виктор смирился с судьбой — чего и всем желает.

Уже через час Виктор горько раскаялся в своей откровенности — столько оскорблений, инсинуаций и даже явных угроз прилетело в ответ. Его обвиняли в стремлении к диктатуре, в желании превратить людей в безмозглых зомби, а заодно во всех политических грехах — от либерализма до фашизма. Виктор немедленно удалил комментарий, а потом и вовсе профиль в той соцсети — но это не помогло, особо рьяные успели сохранить его контакт в Телеграфе и наперебой написывали в личку. Отключить Телеграф Виктор не мог — там велись рабочие переписки, потому приходилось молча банить десятки аккаунтов, откуда потоком шли оскорбления и провокации. Некоторые, впрочем, высказывали сочувствие, и им Виктор из вежливости отвечал. Обычно такое общение сводилось к обмену парой реплик, только этот Немо оказался настырным и не отставал уже почти месяц.

Может, просто перестать ему отвечать?

— Извините, если я выгляжу назойливым, — не унимался Немо, — но меня глубоко зацепила ваша история. Я действительно хочу, чтобы ваша мечта исполнилась. Вы нуждаетесь в помощи.

Такое игнорировать уже попросту невежливо. Виктор глянул на часы в углу экрана — еще полчаса до выхода — и принялся быстро печатать:

— Уважаемый Немо! От всей души благодарю Вас за участие. Я тронут тем, что Вы так близко к сердцу приняли мою историю. Однако хотел бы заверить Вас, что я не нуждаюсь в любого рода помощи. Одарение таково, каково оно есть, и ничего с этим не поделаешь.

Ответ пришел чуть ли не раньше, чем Виктор нажал на стрелочку «отправить»:

— А если я скажу вам, что с этим можно что-то сделать? Что существует способ раскрыть ваш Дар полностью? Дать вам возможность действительно сделать людей счастливыми?

Виктор закатил глаза к покрытому пожелтевшей побелкой потолку. Еще один городской сумасшедший, пусть даже, в отличие от прочих, доброжелательно настроенный... Может, просто заблокировать его? Нет, невежливо получится. Пусть Виктор и не мог, как ему мечталось, сделать счастливыми всех людей, однако не обижать никого специально — это вполне в его власти. И даже Дара никакого не требует.

— К сожалению, уважаемый Немо, то, о чем Вы пишете, невозможно. Я постоянно читаю новости об исследованиях Одарения, его последствий и границах применения Даров. Никому еще не удалось доказать, что с помощью Дара можно необратимо изменить психику другого человека. Дары могут оказывать физическое воздействие либо воздействие на волю — кратковременное и разовое, однако саму природу личности они не меняют. Это называется принципом свободы воли.

— Представьте, что способ обойти принцип свободы воли существует. Более того, он обнаружен. Как вы полагаете, эта информация появилась бы в открытом доступе?

Виктор нервно почесал подбородок. Похоже, Немо не просто городской сумасшедший, а городской сумасшедший с теорией заговора.

— Я не сумасшедший, и это не теория заговора, — Виктор вздрогнул — виртуальный собеседник словно бы читал его мысли. — Методика, которая позволяет многократно усилить Дар и обойти ограничение на свободу воли, существует в действительности. Более того, она уже опробована. Она реально работает. И вы можете стать участником этой программы, Виктор. Исполнить свою настоящую мечту. Сделать всех людей счастливыми.

Виктор снова глянул на часы: пятнадцать минут еще есть. Если это и бред, то бред занятный по крайней мере... Можно и ответить. Ну что Виктор потеряет, если ответит?

— Я чрезвычайно польщен вашим доверием. Но ведь Вы предлагали это не только мне? Помню, в том треде еще писали о любви, о справедливости, о всеобщей нормальности...

Ответ опять пришел мгновенно:

— Только вам, Виктор. Именно ваша мечта достойна того, чтобы быть исполненной. И еще, вы — цельный и мужественный человек. Это огромная редкость в наши суетливые времена. Процедура полного раскрытия Дара не проста, даже болезненна. Но у вас сильный характер, ради блага человечества вы выдержите все.

Тот забавный момент, когда отлично понимаешь, что тебе попросту грубо льстят — а все равно, черт возьми, приятно... Виктор чуть улыбнулся и втянулся в игру:

— А могу я спросить, кто Вы, Немо, и в чем Ваш интерес?

— Я представляю государственную научную организацию. Она строго засекречена, потому, простите, по фамилии, званию и должности представляться я не имею права. Виктор, не вы один мечтаете о счастье для всех, даром, и чтобы никто не ушел обиженным. Позор, что такой потенциал, как у вас, не получает раскрытия. Вы заслуживаете большего, чем выступление на корпоративах. И то, что самые близкие люди отвернулись от вас...

Виктор почувствовал себя неуютно. Он не мог припомнить, упоминал ли в том злополучном посте корпоративы — едва ли. И совершенно точно он ничего не писал о своих семейных проблемах — не только в тот тред, но и вообще в Сеть.

— Благодарю Вас за предложение, — торопливо напечатал Виктор. — Я его обязательно обдумаю. А сейчас извините, мне пора на работу. Всего Вам доброго.

Нажав на стрелку «отправить», Виктор спешно заблокировал контакт Немо — отчего-то казалось, что так будет безопаснее. Последнее сообщение вызвало смутную тревогу, а заодно некстати напомнило о Нине. Виктор проверил банковское приложение: перевод от Нины так и не пришел. Уже 13-ое, а договаривались они на 7-ое число каждого месяца. Но платежи с каждым разом приходили все позже — Нина забывала о неудачном муже и связанных с этим браком долгах.

Стыдно признать, но после Нового года заказов поступало немного и в последнее время Виктор жил в основном за счет бывшей жены. При разводе они от имущественных претензий отказались, но договорились на словах, что Нина станет частями возвращать деньги, которые Виктор вложил в их общую ипотеку. На момент свадьбы они зарабатывали одинаково — оба были программистами в крупной IT-компании. Вот только Нина получила Дар в профессии и за три месяца из мидла стала ведущим системным архитектором, а Виктора поставили перед выбором: перевестись в техническую поддержку отвечать на тупые вопросы пользователей или увольняться на все четыре стороны. Виктор выбрал увольнение по соглашению сторон, благо к нему прилагались три оклада, и тогда еще казалось, что жизнь на вольных хлебах будет веселой и увлекательной. Их пятилетний брак такого испытания не выдержал: карьера Нины стала головокружительной, и неудачник-муж тяготил ее и смущал. Что ж, прошла любовь, завяли помидоры — а вот теперь и платежи от Нины с каждым месяцем приходят все позже. Особенно некстати эти материальные проблемы теперь, когда Виктор повстречал наконец женщину, которую отчаянно хотел сделать счастливой — не весь мир, так хоть ее одну — но это было невозможно без денег.

Ужасно не хотелось докучать Нине напоминаниями, но квартирная хозяйка звонила уже дважды... Виктор нехотя открыл контакт бывшей жены и напечатал: «Привет. Извини, что отвлекаю, но платеж за месяц не пришел до сих пор».

Нина это быстро прочитала — на сообщении появилась двойная галочка — однако отвечать не спешила. Виктор вздохнул и принялся собираться. Может, квартирная хозяйка согласится в виде исключения принять оплату за половину месяца — именно такую сумму составлял его сегодняшний гонорар. На кухне остался едва початый пакет гречки и пяток яиц, так что голодная смерть Виктору пока не грозит.

К сожалению, торговля счастьем оказалась не особо прибыльным бизнесом, но Виктор не терял надежды, что еще раскрутится.

Костюм для выступлений, заранее отутюженный, висел в чехле — идти до трамвая предстояло по грязной улице, а химчистка стоила дорого. Зато ехать было недалеко — корпоратив проходил в ресторане всего в пяти остановках от спального района, где Виктор снимал квартиру в хрущобе. Дела у фирмы с громким названием «Альфа плюс» шли ни шатко ни валко, поэтому на двадцатилетний юбилей развлечения для сотрудников были выбраны довольно бюджетные.

Возле входа в ресторан стояла урна, и Виктор остановился покурить. Из троллейбуса вышли две женщины в парадном макияже и тоже направились к урне.

— Неделька выдалась — врагу не пожелаешь, — протянула полная дама, затягиваясь тонкой сигаретой. — Все словно с ума посходили. Ну ничего, накатим с тобой сейчас по мартини...

— Ты чего, рассылку не читала? — спросила крашенная в агрессивный блонд подруга. — У нас же безалкогольный корпоратив. И то сказать, в прошлом году админ набухался и морды

набил двум продавщикам... Так что в этом вместо винишка будет какой-то аниматор. Типа, Дар у него счастье навевать, какая-то такая фигня.

— Все самое отстойное для дорогих сотрудников, — вздохнула толстуха. — А что еще в программе?

— Да какая-то леди Секс... нет, леди Сакс. Музыкантша, в общем. Говорят, одаренная.

Настя здесь! Она не сообщала, что выступает сегодня! Впрочем, кто ей Виктор, чтобы отчитываться... Случайный любовник на пару ночей, симпатичный, но слишком нищий, чтобы сделать ее счастливой. Нет, Настя не меркантильна, просто ей вечно нужны деньги — она одна тянет двоих детей. Муж Насти запоздало осознал, что не создан для родительства, и растаял в голубом тумане, отчисляя смехотворные алименты с крохотной белой зарплаты.

— Ну ясен хрен, музыкантша, — толстуха, кривляясь, вильнула могучей кормой. — Как мужикам на сиськи-письки попыриться, так сразу есть средства в бюджете, а то откуда у бедняжечек мотивация к труду возьмется. А для нас хоть бы стриптизера какого-нибудь выписали. Нет, нате вам зачуханного корпоративного коуча и будьте счастливы...

Виктор пошел ко входу, низко опустив голову, чтобы спрятать лицо. Дамы на него не особо смотрели, но все равно не хотелось заставлять их чувствовать себя неловко, когда он выйдет на сцену. Даже эти озлобленные клуши заслуживают хоть один вечер чувствовать себя счастливыми. Все люди этого заслуживают.

В подсобке, отведенной под гримерную для артистов, натягивала колготки саксофонистка Настя, выступающая под псевдонимом леди Сакс. Увидев Виктора, она радостно улыбнулась, но занятие свое не прекратила.

— Привет, Насть! Как мелюзга?

— Ничего, Витюля, справляемся! Жизнь — говно, но мы с лопатой! У Пугови зуб разнылся, в поликлинику запись на следующий месяц, а в частном кабинете, сам понимаешь... — Настя сложила три пальца в характерном жесте и цокнула языком. — Застегни это чертово платье, будь другом.

Виктор аккуратно стянул молнией края серебряной парчи и принялся переодеваться сам — начав выступать, он быстро отставил стыдливость. Все артисты — братья и сестры по сцене. Хотя, конечно, слегка обидно, что Настя настолько не видит в нем мужчину и совсем не стесняется. С другой стороны, вдруг это, наоборот, хороший знак — проявление доверия.

— Насть, как ты насчет пойти куда-нибудь поужинать после халтурки?

Квартирная хозяйка подождет, а там, может, Нина раздуплится наконец перевести долг...

Настя торопливо наносила на лицо сценический макияж, скрывающий тени под глазами и намечающиеся морщинки. Виктору она больше нравилась без него.

— Да я бы с радостью... Но вечером в «Релаксе» жопой кручу.

Виктор погрустнел. Настя нуждалась в деньгах и не брезговала никакими заработками. Не то чтобы он ее осуждал, зная ее семейную ситуацию... Чисто музыкальными выступлениями много не поднимешь, несмотря на Дар — в творческих профессиях одаренными стали многие, так что конкуренция почти не снизилась.

— Ну и вообще, Витюль... Хороший ты мужик, правда, — морщинки у губ Насти проступили сквозь маску сценического макияжа. — Иногда я думаю, что могла бы быть счастлива с кем-то вроде тебя... с тобой. Не как эти лошпеды корпоративные сейчас будут, а на самом деле. Но... ну ты же сам все понимаешь. Давай больше не...

Неловкую реплику прервала ворвавшаяся в подсобку ивент-менеджер:

— Вы тут весь корпоратив чилить будете?! Звезды, блин, киркоровы сраные...

Пришлось тащиться в зал и вместе со скупающими сотрудниками выслушивать речи начальства о достигнутых успехах, командном духе и неизбежных скорых прорывах, которым не помешают временные трудности. Четыре менеджера повторили разными словами плюс-минус одно и то же — плевать им было на сотрудников, пожирающих глазами заветривающи-

еся закуски, главное — засветиться перед руководством. Так что когда Виктора пригласили наконец на сцену, усталость и раздражение аудитории ощущались уже почти физически.

Виктор улыбнулся самой мягкой из своих улыбок и обвел слушателей дружелюбным застенчивым взглядом — иногда этот прием выручал, помогая расположить к себе публику. Даже такую, что предпочла бы алкоголь или, на худой конец, стриптизера...

— Здравствуйте, уважаемые друзья! Спасибо, что пригласили меня на свой праздник. Поздравляю компанию «Альфа плюс» с юбилеем и желаю успеха в... — Виктор запнулся, потому что так и не понял из выступлений, чем конкретно фирма занимается. — Во всех начинаниях! Вы много и тяжело работали, чтобы достичь таких замечательных результатов. Поэтому сегодня я здесь, чтобы подарить вам немного счастья, которое вы так заслуживаете.

— А можно деньгами? — фыркнул себе под нос толстый юноша с пижонским хвостиком, стоящий в первом ряду, и тут же нервно оглянулся на начальство.

Виктор кротко улыбнулся:

— Подарите себе возможность хотя бы на один вечер ощутить счастье! Как знать, может, это изменит вашу жизнь, — ничего это не меняло, но Виктор все равно каждый раз повторял эту мантру. — Для тех, кто открыт новому и готов экспериментировать, мы подготовили эту корзину белых тюльпанов; на языке цветов они символизируют счастье. Каждый, кто хотел бы сегодня почувствовать себя счастливым, может приколоть тюльпан к одежде, булавки — вот здесь, на ленте. Не отказывайте себе в радости, не лишайте себя счастья!

Раньше Виктор предлагал желающим просто подойти к нему, но многие стеснялись, и руководство было недовольно — зачем тратить на услугу, которой большинство сотрудников не пользуется? Корзина с тюльпанами стала простым решением — никому не приходилось на глазах у всех признаваться в своей несчастьности. Хотя применение Дара этот способ затруднял — проще было бы один раз отработать по площади; но период восстановления Виктору вышел небольшой, три минуты с копейками. Видимо, так неведомая сила компенсировала несопоставимость желания и возможности.

Виктор вернул микрофон на стойку и начал спускаться в зал, и тут же на сцену легкой походкой выбежала Настя в сценическом образе леди Сакс. Она не стала донимать измученную публику речами, а только радостно улыбнулась, помахала рукой, поднесла мундштук саксофона к губам и завела мелодию — быструю и радостную, пританцовывая в такт. Виктор знал, как неудобны Насте туфли на высоченном каблуке и тесно обтягивающее переливающееся платье, да и вообще в гробу она видала корпоративы эти все; однако сейчас ее фигурка излучала легкость и счастье, удивительно гармонирующие с музыкой. На лицах офисного планктона расцвели улыбки, многие даже замедлились на пути к вождленным закускам. Некоторые по пути прихватывали тюльпаны из корзины.

Виктор начал намечать фронт работ: для ускорения процесса он мысленно выделял группки гостей с белыми тюльпанами и применял на них Дар. Кто эти люди, в чем их проблемы, что заставит их почувствовать себя счастливыми — в это он не смог бы вникнуть, даже если бы хотел. Дар ничего ему не открывал, просто работал каким-то непостижимым образом. Уже через четверть часа многие в зале расслабились — болтали непринужденно, смеялись легко и весело. Возможно, еда и Настина музыка играли здесь роль не меньше, чем Дар Виктора, но менеджерам обычно нравился этот эффект — иногда Виктор даже получал чаевые, которые про себя называл премией.

Некоторые дамы как бы невзначай расстегнули верхние пуговицы на блузках и приступили к тяжеловесному служебному флирту. Мужчины реагировали благосклонно, и вот какая-то парочка, подчеркнута не глядя друг на друга, направилась к туалету. Перепихон на корпоративах негласно поощряется — сотрудники снимают накопившийся стресс, а руководству это ничего не стоит. Благо не на богомерзком Западе живем, где из-за служебных романов рушится множество карьер.

Настя чередовала веселые и лирические мелодии. Виктор любовался ее вдохновенным лицом и грациозными движениями. На Насте он ни разу не применял Дар — здесь это было бы непрофессионально, а в неслужебной обстановке она никогда об этом не просила. Да и разве минутная эйфория была ей нужна... Если бы Дар Виктора работал так, как мечталось, дети Насти не болели бы так часто. Тогда она могла бы позволить себе не ломаться на бесконечных унижительных халтурах и стала бы наконец счастливой — пусть даже и не с Виктором... Вот только настоящего счастья он не мог подарить не то что всему миру, а даже любимой женщине. Да, любимой — хотя он никогда не признавался Насте ни в каких чувствах.

Офисный планктон тем временем раздухарился — посмотрев на веселящихся по полной программе коллег, тюльпаны взяли почти все, кроме, конечно, руководства, тусующегося в вип-загончике. Теперь со стороны сотрудники «Альфа плюс» выглядели закадычными друзьями — они смеялись в голос, хлопали друг друга по плечам, наперебой рассказывали байки, которые казались им сейчас ужас до чего остроумными. Горластее других оказался толстый хвостатый парень. Выступление Насти закончилось, и его ор разносился на весь зал.

Что что-то не так, Виктор понял по вытягивающимся лицам руководства. Тогда он вслушался в гам — толстяк успешно перекрикивал всех:

— И вот представляете, доставщик мне отвечает: «посылка прибыла по назначению, в офис, сдана под роспись, в жопу себе засуньте свои претензии». Я, натурально, судом им угрожал, но они поржали только. А мне кредит за этот скейт еще полгода выплачивать! И знаете, где я его увидел? В машине главбуха нашего, вот где!

— Да ладно тебе, может, такой же просто... — возразил кто-то из коллег.

— Точно, мой это скейт! На нем Ревиз из «Черной лагуны» еще, голая. Чистый секс! Лимитированная серия в сорок экземпляров, из Китая доставка три месяца шла. Я на Ревиза с детства дрочу, скейт спецом выбирал, чтобы в России ни у кого такого не было. И вот прикиньте, у сынули главбуха вдруг точно такой же! — Толстяк торжествующе обвел глазами собравшихся и воздел ввысь указательный палец: — Совпадение? Не думаю! Главное — это ж полторы моих зарплаты, для этой гниды вообще не деньги, но прикарманил мой скейт, не побрезговал!

Некоторые из слушателей сообразили, что дело пахнет керосином, и стали отползать бочком. Другие — те, что с тюльпанами — продолжали жизнерадостно ржать. Виктор поморщился. От счастья люди несколько глупеют, есть такой эффект.

— Да это еще что! — вклинилась какая-то тетка. — А наша-то начальница отдела еду из общего холодоса тырит! Знаете, как я ее вычислила? Пургена в свой контейнер с борщом подсыпала! Борщ-то тью-тью, а наша мымра два совещания отменила в тот день!

В локоть Виктора вцепились холодные пальцы ивент-менеджера.

— Немедленно прекратите этот балаган! — зашипела она.

— Но это... это невозможно, — проблеял Виктор. — У вас же самой есть Дар, вы знаете — действие Дара нельзя отменить... Да они уже через полчаса сами выдохнутся.

Виктор заметил, что Настя смотрит на него с сочувствием и тревогой, и это сделало все еще хуже.

— Вас наняли, чтобы наши сотрудники чувствовали себя счастливыми, — процедила ивент-менеджер. — А не чтобы они говорили о нас гадости!

«Ваши сотрудники счастливы, только когда говорят о вас гадости», — подумал Виктор. Почему, черт возьми, это должно быть его проблемой, а не этой горелой шараги? А еще туда же, «Альфа плюс»... Но вслух Виктор ничего не сказал, только развел руками — гонорар ему платили постфактум.

— Немедленно выметайтесь отсюда! — отчеканила ивент-менеджер.

— Как скажете. Мы договаривались на...

— Вы сбрендили? Какая оплата за дурдом, который вы тут устроили? Наши сотрудники лояльны компании, это вы как-то вынудили их нести этот бред! Вам еще повезет, если мы не потребуем неустойку через суд! И уж точно оповестим бизнес-партнеров, что с вами связываться нельзя! Вы, как вас там, леди Секс — на сцену! Да плевать мне, что программа отработана! Бегом! Не то и вам не заплатим!

Настя подхватила саксофон, легко взбежала на сцену и озарила зал профессиональной широкой улыбкой. Виктор побрел в подсобку за своими вещами. Переодеваться не стал, так и вышел в костюме для выступлений на грязную улицу. Не факт, что у него вообще еще будут эти выступления...

Липкая слякоть покрывала асфальт. Разве проблема Виктора, что счастливые люди ведут себя не так, как угодно высокому начальству? Из ресторана доносилась чистая, легкая мелодия — Настя выступала сверхурочно, а ведь ей еще ехать в сауну «Релакс»...

Никого Виктор не сделает счастливым своим убогим, обгрызенным Даром. А что если все-таки... Хуже, похоже, уже не будет.

Виктор достал телефон, запустил Телеграф, зашел в раздел «заблокированные контакты», вытащил пользователя Nemo из списка забаненных и написал ему:

— Чего вы хотите от меня за возможность поучаствовать в вашей программе усиления Дара?

Nemo ответил мгновенно, словно только этого и ждал, а на бан совсем не обиделся:

— Я ничего от вас не хочу, Виктор. Хочу только дать вам возможность исполнить свою мечту.

Взрыв хохота из ресторана заглушил музыку. Виктор представил себе, как Настя устала, как болят у нее ноги и ноет спина...

— Мы можем приехать за вами прямо сейчас, — написал Nemo.

— Идет, — ответил Виктор быстро, чтобы не успеть передумать. — Что взять с собой?

— Ничего не нужно, Виктор. Нужны только вы.

Глава 1. Управление гневом

— Что еще произошло за неделю? — спрашивает психотерапевт. — Были другие эпизоды проживания гнева?

Припоминаю:

— По мелочи разве что. Во вторник мент один зарвался... в смысле сотрудник полиции некорректно общался с моей сотрудницей. Им там многим не нравится, что Леха заключил с нами контракт на экспертные услуги, вот они и самовыражаются кто во что горазд. Этот майор в понедельник до слез довел женщину — она когда рассказывала, мне прибить его хотелось. Вот я на другой день с ней и выехал...

— Поведение этого человека вызвало у вас гнев?

— Поначалу вроде и нет, он при мне на рожон не лез. Я уже решил, что зря выехал... может, раньше я бы его как-то спровоцировал, чтобы с полным правом поставить на место. Но потом подумал, что мне не обязательно злиться, чтобы установить нормальные рабочие отношения. Просто отвел его в сторонку и популярно объяснил, что к моим сотрудникам надо обращаться на вы и по имени-отчеству, правила поведения на месте преступления корректно доносить в доступной форме, а в случае возникновения проблем обращаться напрямую ко мне. Вроде мы друг друга поняли. Он вообще ничего такой мужик оказался.

Психолог внимательно смотрит на меня через очки в тонкой оправе — давно подозреваю, что стекла в них обычные. Его лицо не выражает никакой оценки.

— Как вы сами полагаете, Александр, насколько вам удалось проконтролировать гнев в этот раз?

— Ну вроде... нормально удалось, да. Хотя есть еще над чем поработать. Если бы он прямо при мне Ксюхе нахамил, я бы... не знаю... морду полицейскому при исполнении вряд ли набил, но наорал бы точно. Хотя, может, и леща влепил бы.

Чем хорошо работать с психологом — можно не пытаться казаться лучше, чем ты есть. Да, ты оплачиваешь это общение по таксе, поэтому глупо врать за свои же деньги.

К специалисту по управлению гневом меня затащила Оля. Она и раньше пыталась, но я уходил в отказ. Не то чтобы я презирал психологов и тех, кто к ним обращается. Однако считал терапию бесполезным занятием, развлечением для тех, кому некуда девать время и деньги. Как-то так представлял это себе:

— Чего вы хотите, пациент?

— Доктор, я хочу найти себя.

— Так вот же вы!

— Точно! Спасибо, вы мне очень помогли.

А тут еще и специалист по гневу... Меня будут убеждать сделаться терпилой, вечно подставляющим вторую щеку — причем за мои же деньги? Как бы мне ни было дорого Олино хорошее отношение, на такое я подписываться не собирался.

Но из последней северной командировки я вернулся как пыльным мешком стукнутый. В человека, которого мы должны были защищать, стрелял не я, но все равно это было на моей совести. Понятно же, кто всю жизнь служил Олегу ролевой моделью. А я вспышек гнева никогда не гасил, наоборот, гордился ими — я же плохих людей наказывал за плохие поступки, право имел...

Я увидел свой способ действовать в другом человеке — и ни к чему хорошему это не привело. Пришло время признать, что я нуждаюсь в профессиональной помощи.

Однако специалист по гневу вовсе не пытался убедить меня стать терпилой. Он начал с того, что гнев — это нормальная и ценная реакция здорового организма. Проблемы начинаются, когда гнев управляет человеком вместо того, чтобы человек управлял гневом. Древние

паттерны «бей или беги» плохо работают в условиях сложной социальной жизни. Не существуют волшебной таблетки, позволяющей управлять гневом, но есть упражнения и техники по развитию осознанности и самоконтроля.

Нельзя сказать, что через месяц регулярных сеансов я перестал раздражаться, и дать кому-нибудь в дычу время от времени хотелось. Но постепенно я привык осознавать эти желания, подвергать их критике и так ими управлять. Выяснилось, что не такой уж я неудержимый мачо, если выкинуть из головы установку, что я обязан им быть.

— Как вы оцениваете свой опыт работы с гневом на этой неделе? — спросил психолог.

Оля подобрала правильного спеца — она вообще здорово разбиралась в людях, в особенности во мне. Много я слышал историй о психологах-недоучках, считающих себя кем-то вроде гуру. Этот же дядька никогда не оценивал меня или мои поступки — не осуждал и не хвалил. Он только задавал наводящие вопросы. Иногда мне казалось, что я беседую, в сущности, сам с собой, но без соблазна соскочить с неудобной темы, не оставив себе возможности отвлечься на то, что вроде как в моменте выглядит важным.

— Да так, обычный опыт... То есть я не косячил, но ведь и проблем-то серьезных не было.

— Что же, — психотерапевт чуть улыбается, и я смотрю на часы: время сеанса почти истекло. — Будем отслеживать дальнейший прогресс. Здоровья вам и душевного равновесия!

Спускаюсь на первый этаж к актовому залу — Оля сегодня читает лекцию по биологии. Занятие уже должно было закончиться, но, в отличие от моего психолога, Оля не отрабатывает расписание минута в минуту. Мы сейчас в доме культуры, облюбованном «Детьми Одарения». Забавно — давно ли я считал их сектой и подозревал во всех смертных грехах, а сейчас сам участвую в их мероприятиях. Человеку непросто признавать свои ошибки, но в конце концов я посмотрел правде в глаза: никаких незаконных или этически сомнительных делишек за «Детьми» не замечено. Правда, никаких мало-мальски значимых исследований природы Одарения — тоже. Впрочем, это не только к ним относится. Созданы десятки исследовательских институтов, работает хренова туча лабораторий разной степени секретности, миллионы и миллиарды во всех валютах мира попилены на грантах — а воз и ныне там. По существу мы знаем о Дарах ненамного больше, чем 18 декабря 2028 года. Один наш Кукловод чего-то мутит в своих мрачных подвалах, но чего он-она-оно добивается и, главное, как — мы не знаем. А учитывая, что ловить этого психопата поставили даже еще более отмороженных психопатов — так, наверное, и не узнаем.

Пора, видимо, смириться с тем, что никакой эффектной развязки у всей этой истории не будет. В какие только даты ни ждали Повтора — а он так и не случился. Носители Дара тем временем умирают — кто-то из-за эксцессов, связанных с Одарением, но большинство по вполне себе естественным причинам. К началу двадцать второго века Дары сохранятся только у горстки выжившего из ума старичья, а потом Одарение и вовсе отойдет в разряд исторических курьезов, так ничего глобально и не поменяв в человеческой истории.

Одним из самых заметных последствий стал резко выросший интерес к природе человека; чтобы понять, как работают Дары, надо разбираться, на чем они, собственно, работают. Я сперва скептически отнесся к тому, что Оля стала вести публичные семинары по биологии; однако актовый зал каждый раз едва вмещал всех желающих. Странно это — в двадцать первом веке посещать оффлайн-занятия, когда сеть полна текстов, подкастов и видео на любые темы. Но, видимо, людям все-таки нужно живое общение с подобными себе и никакой избыток контента этому не помеха.

Приоткрываю дверь, просачиваюсь и сажусь на ступеньки, чтобы не мешать — все кресла возле прохода заняты. Надеюсь, Оля уже заканчивает... нет, я-то без проблем подожду, а вот Оля ушла на работу в семь утра и оттуда сразу сюда; она не ужинала и не факт, что успела пообедать. Однако голос у нее бодрый, энергичный, заряжающий:

— Дофамин — важнейший источник мотивации, энергии, ощущения готовности к свершениям и радости жизни. Но, надеюсь, теперь вы лучше понимаете, почему дофамин — не гормон счастья, а гормон обещания счастья. Животное, если оно, конечно, не человек, не думает «Вот построю-ка я гнездо или соберу припасы на зиму, или установлю хорошие отношения с членами своей стаи — и будет мне счастье». Из всех животных только у нас это принимает форму мыслей; остальные делают всякие полезные штуки, потому что это заложено в их инстинктах и подкрепляется разными биологическими механизмами, в том числе выработкой дофамина. Это как бы такое обещание: «достигни успеха — и будешь счастлив». Но что было бы, если бы это счастье длилось долго? Животное потеряло бы мотивацию перебирать лапками и просто наслаждалось бы собой, ничего не делая — а мать-природа такого не прощает. Потому за подъемом дофамина всегда следует спад. Мы его переживаем как упадок сил, ухудшение настроения, потерю интереса к тому, что только что казалось важным.

— То есть получается, наша природа не дает нам быть счастливыми? — спросила тетка со второго ряда.

Некстати вспоминаю анекдот:

— Подсудимый, зачем вы съели своего деда?

— Человеческие поступки — всего лишь побочный продукт случайной химии мозга.

— Полностью оправдан!

Оля энергично улыбается:

— Наша природа не дает нам стать счастливыми простым способом. Это любят обещать и гуру, и торговцы разного рода удовольствиями. Выплеск дофамина и эйфорию вызвать у человека не так уж трудно, вот только потом наступает откат, который приводит к депрессиям и иногда даже к трагедиям. Но есть и хорошие новости! Вы можете помочь себе сами, если будете относиться к себе бережно и осознанно, понимать, как вы устроены и что у вас как работает. Это непростой и небыстрый путь, но ведь каждый из нас у себя один. Об этом мы поговорим на следующих занятиях. Спасибо всем, что пришли сегодня!

Слушатели тянутся к дверям, оживленно переговариваясь; многие знакомы между собой, тут ведь не просто лекторий, а клуб по интересам. Оля освобождается не сразу — минут двадцать еще отвечает на вопросы, объясняет что-то, улыбается людям. Когда она подходит наконец ко мне, в ней еще ощущаются следы приподнятости, но усталость быстро берет свое.

Мы идем на парковку и садимся в наш верный фордик, чтобы ехать домой. Почти сразу встаем в пробку на светофоре — недлинную, но мучительно медленную.

— Как дела на работе? — спрашивает Оля.

— Дела идут, контора пишет... Возни с бумагами много стало, я уже второй шкаф для папок заказал. Зато в поля теперь не каждый раз выезжаю, наши с полицейскими понемногу притираются друг к другу. Хоть отчет на стену вешай: три рабочих дня подряд без скандалов и заявлений о неполном соответствии. Да, сегодня как раз третий день был...

Работа «Потеряли? Найдем!», по документам — ИП Егоров Александр, в последний месяц изменилась довольно радикально: Леха, который теперь уже не майор, а подполковник, подогнал нам жирный госконтракт на оказание экспертных услуг в сфере организации оперативно-розыскных и следственных мероприятий... тьфу, и в меня уже въелся этот полицейский канцелярит... Короче, мы теперь работаем на родную полицию на постоянной основе — и мои ребята, и сотрудники «Марии» по субподряду. Это оказалось довольно выгодно по деньгам, но на редкость муторно в плане писанины — я даже принял в штат свою сестру Наталью, хоть и зарекался работать с родственниками. Однако Натахин опыт службы юристом в государственных конторах оказался бесценен.

Рассказываю Оле:

— Вот приказ сегодня подписал об увеличении окладов на тридцать процентов... Здорово, конечно, когда заказы постоянно есть. Не надо тревожно прислушиваться к телефону

— позвонит сегодня кто-нибудь или будем перебиваться с хлеба на квас, то есть покупать дрянные пластиковые скрепки вместо металлических. Но все-таки жаль, что у нас теперь мало собственных дел. Мы выезжаем, делаем то, что просят полицейские, оформляем бумаги и уезжаем. Раньше — даже когда мы чьи-то любимые фотографии или ключи от гаража искали — все равно были сами себе Шерлоки Холмсы. А теперь... винтики большой неповоротливой машины.

— Это называется — отчуждение труда, — улыбается Оля. — Я знаю финдиректора большой корпорации, который каждый свободный час посвящает раскрашиванию фигурок из какой-то игры. Ночами над ними корпит, потом руки от краски оттирает и понуро едет считать чужие миллионы. Казалось бы, и то и другое — работа, а какая разница в отношении...

Оля знакома с финдиректором какой-то корпорации... ничего об этом не слышал. Если вдуматься, я мало знаю о ее жизни. Спрашиваю:

— А у тебя как дела на работе и на учебе?

— Нормально.

Как давно она так отвечает на мои вопросы, отгораживается от меня этим «нормально»? Совсем недавно я не придавал этому значения — был, что называется, эмоционально вовлечен в другие отношения. Жена вроде не в претензии, и ладненько...

Это закончилось через три дня после моего возвращения с Севера. Самое странное — по инициативе Марии; пока я подбирал слова, чтобы сообщить о расставании, она необыкновенным своим чутьем сама все угадала. Не то чтобы меня перестало к ней тянуть, но после всего, что случилось, я понял — надо сосредоточиться на том, что по-настоящему важно.

Мы наконец-то прорываемся через пробку и въезжаем в исторический центр. Яркие освещенные соборы напоминают уснувшие космические корабли. Переливается вывеска ресторана — пошловатый туристический а-ля рюс, зато работает допоздна. Предлагаю:

— Может, тут поужинаем? А то я Фedyке последние котлеты скормил...

Оля потирает виски:

— Было бы мило, но я устала очень, а надо к зачету по патологической физиологии готовиться... Не переживай, от голода не помрем, сварганю нам быстро чего-нибудь.

Оля отворачивается к окну. Не могу отделаться от ощущения, что это не просто усталость, а что-то глубже. Похоже, моя жена все-таки несчастлива со мной. Сколько раз я предлагал ей уйти с работы или хотя бы нанять помощницу по хозяйству — она всегда отказывается. Возможно, я знаю, в чем тут причина.

Мы очень любим друг друга, наша постель не остывает — но наши клетки так до сих пор и не сплелись в новую жизнь. Вроде и спешить некуда, какие наши годы, но, сдаётся мне, Оля переживает это тяжело. Ребенок — куча проблем и хлопот, конечно, но это будут наши общие проблемы и хлопоты.

Глава 2. Звони, если что

— Але, Сань, слышь, можно я сегодня скипану выезд? Зуб болит, аж трындец, вся челюсть раскалывается! — ноет Виталя в телефонной трубке.

— Нет, нельзя. Сегодня твоей выезд по графику.

— Ну Сань, ну это же жопа какая-то, а не график! Девять выездов в неделю! А у меня живот крутит, аж пипец!

Наш Виталя живет по принципу «кто не врет, тот никогда не спал с тремя бабами одновременно».

— Так все-таки зуб или живот?

Трубка обиженно сопит. Чувствую себя плантатором с хлыстом наперевес. Рядом негодуяще гудят машины — на проспекте Ленина, как обычно, пробка. Хорошо, что я решил прогуляться на своих двоих, а то так же психовал бы сейчас.

— А может Ксюха меня подменить?

— Нет, не может. Ксения все выходные пахала, пока ты квасил.

— Упс... А ты откуда знаешь, что я квасил?

Тоже мне, бином Ньютона — что наш Виталя делает в выходные...

— А вот так. Дар ясновидения получил и теперь все про тебя знаю. За каждым шагом слежу. Так что приходи в себя и дуй на выезд.

— Ну Сань, ну можно мне разгрузить график хоть чутка?

— Раньше ты ныл, что заказов мало, теперь ноешь, что их много. Достал уже! Ноги в руки и на выезд.

Жму отбой. Вот жеж, раньше все жаловались, что работы мало, а теперь — что ее много, и даже увеличение зарплат в полтора раза не помогает. И зачем я столько плачу этим оболтусам, если они все равно несчастливы?

— Саня, привет.

Дважды моргаю. Прямо передо мной, возле витрины магазина дорожкой буржуйской одежды, стоит Алиа — суперпсихолог из организации, с которой я не хочу больше иметь никаких дел сверх абсолютно необходимого.

Полное отсутствие спецэффектов всегда было любимым спецэффектом Алии. Одета она, как всегда, подчеркнуто простенько — жакетик и джинсики, волосы небрежно зачесаны набок.

— Привет и пока, Аля. Я же ясно сказал, что общаться ни с кем из Штаба не буду.

— А, да я же больше не служу в Штабе, — Аля строит легкомысленную гримаску. — Старый жук Юрий Сергеевич всех переиграл и расчистил поляну. Меня выкинули на мороз после того, как мы все облажались на Севере. И не меня одну, Ветер сейчас на Дальнем Востоке тюленей обучает строевой подготовке, если тебе интересно.

— Нет, не интересно. Можете хоть сожрать друг друга, а меня в свою специальную олимпиаду больше не втягивайте. Счастья тебе, здоровья, хорошего настроения.

Обхожу Алию по широкой дуге, едва не наступив в свежую клумбу с тюльпанами — вот прямо до такой степени не хочется к ней приближаться. И плевать, что она не поленилась притащиться в наши перди. Ее проблемы — не мои.

— Олег тебе привет передает, — говорит Алиа почти что мне в спину.

Резко оборачиваюсь — будто марионетка, которую дернули за ниточку.

— У Олега дела хорошо, — Аля смотрит на меня с самым невинным видом — словно не о брате моем говорит, запертом в полном психопатов Штабе, а о случайном общем знакомом, встреченном давеча в очереди в поликлинике. — Тренируется, участвует в совещаниях, чувствует себя важным и нужным. Это, между прочим, я наизнанку вывернулась, чтобы вас двоих отмазать, братьев-акробатов. Аккурат перед тем, как меня вышибли, доказала, что Олег не был

проинструктирован насчет порядка получения приказов, а ты и вовсе действовал адекватно обстановке.

— И чего теперь? Ждешь, что я тебе в ножки кланяться буду?

— Я что, похожа на дуру?

— Даже не знаю, Аль. Вот ты говоришь, что тебя вышибли, а сама со мной разговариваешь среди улицы. Забыла, что меня слушают круглые сутки?

— Сейчас не слушают. Вернее, не слышат, — Аля достает из кармана жакета устройство, похожее на обычную павербанку с коротким шнуром. — Знаешь, как говорят в народе: на любую хитрую гайку болт с резьбой найдется. Эта штука транслирует в твой телефон обычный уличный шум. А у городских камер здесь слепая зона. Приехала я вот на той машинке с тонированными стеклами.

— Впечатляет. Прямо-таки шпионский боевик. Вот только зря ты развернула эту секретную миссию. Я с сотрудниками Штаба дел больше не веду — хоть с действующими, хоть с бывшими. Не люблю, знаешь ли, игры с предателями.

— Понимаю тебя, Саня, — Аля легко улыбается и убирает за ухо прядь волос. — И совершенно с тобой согласна. Со Штабом каши не сварить, у Кукловода там явно агент на агенте сидит и агентом погоняет. Выходит, бороться с ним толком некому. Поэтому я тебя и нашла. Скоро Кукловод пойдет в атаку, Саня. В этот раз — по-настоящему.

— Опять вытащит каких-то страдальцев из подвала и погонит штурмовать атомную станцию?

— Ты так и не понял? Не нужна ему была та станция. Может, это для тебя обидно прозвучит, Саня, но даже взрыв реактора глобальной катастрофы не вызвал бы. Конечно, персонал станции пострадал бы, местность вокруг загрязнилась бы, много средств ушло бы на ликвидацию. Но это не тот уровень хаоса, чтобы менять судьбы мира. Это была разминка, отвлекающий маневр, дымовая завеса. Настоящая встряска еще впереди.

— Умеешь ты вселить оптимизм и уверенность в завтрашнем дне, госпожа психолог. Думаешь, еще много людей мучаются по подвалам?

— А почему «мучаются», почему «по подвалам»? Что, если все эти жестокости тоже были отвлекающим маневром — чтобы усиливать Дары не ломанулись все кому не лень? Вдруг на самом деле никаких особенных страданий не требуется? А теперь пристрелочные опыты закончены, и скоро сверходаренные пойдут на нас войной?

Ловлю себя на азарте, желании спорить, развивать гипотезы... Волевым усилием вспоминаю, почему решил выйти из этой игры. Может быть, милашка Аля и есть Кукловод, и в любом случае она ведет какую-то свою игру — наверняка паскудную. У таких, как она, игры всегда паскудные.

Усмехаюсь:

— Хорошая попытка, Аля. Но нет, твоей марионеткой я больше не буду. Свои обязательства перед Штабом я обозначил, а в ваши мутные дела не лезу. Пускай психопаты сами ловят психопата.

— Как знаешь, — Аля всегда со всем соглашается. — Хозяин — барин. Кстати, Саня, тебя не раздражает, что психопаты слушают каждое твое слово?

Хмуро пожимаю плечами. Тут Аля попала в точку, раздражает — это прямо-таки мягко сказано. Бесит нечеловечески. Телефон у меня все равно что браслет на лодыжке условно осужденного, пофиг что не закреплён — если я от него отойду, за мной тут же выедут и так просто уже не отпустят. Хотя всех преступлений за мной числится — я незаменим в борьбе со сверходаренными.

— Вот, привезла тебе сувенирчик, — Аля протягивает штуку, похожую на павербанку. — Подключаешь к телефону, давишь на этот переключатель... тут, сбоку... и прослушка слышит примерно то, чего ожидает услышать. Нейросеть быстро обучится на твоём обычном рас-

порядке, потому ночью там будет храп или сопение, днем — фоновый шум и всякие обыденные разговоры.

— И что, прослушка не просечет, что ей шляпу подсовывают?

Аля закатывает глаза:

— Саня, я как бы не хочу тебя расстраивать, но не такая ты важная птица, чтобы бойцы невидимого фронта тебя вживую слушали по двадцать четыре часа семь дней в неделю. Сетка тебя слушает, алярм дает по ключевым словам и интонациям, плюс отчеты куратору раз в сутки. И та же сетка с парой модификаций — на этом устройстве. Нейронка знает, как обмануть нейронку.

Что это? Провокация Штаба? Но зачем? Штабу нужно мое согласие на сотрудничество, а после такой выходки они бы его лишились. Аля мутит что-то сама? Скорее всего. И это значит, что ее устройство работает. Не стала бы она говорить все это под прослушкой.

Беру прибор с протянутой ладони и убираю в карман рубашки. Лишним не будет.

— Вот и славненько, — улыбается Аля. — И ты, это, Сань, звони, если что. С другого телефона, ну да сам разберешься, не маленький. У меня простой номер — 1917. Любой русский человек это число помнит.

— С чего бы я захотел тебе звонить?

— С того, что Кукловод скоро сделает следующий ход. И ты не сможешь остаться в стороне. Тогда тебе понадобится моя помощь.

Как же мне осточертели эти игры...

— Можешь наконец сказать прямо, что ты знаешь о Кукловоде? Чего он добивается?

— Именно что знать — ничего не знаю, — Аля говорит с такой интонацией, словно мы обсуждаем погоду или пробки. — Я не он-она-оно, как бы тебе ни хотелось так думать. Однако кое о чем догадываюсь. Деньги, власть, слава, любовь — такая ерунда его не интересует; это все средства, но никак не цель. Есть, пожалуй, всего одна игра, которая может стоить свеч даже для Кукловода...

— Да хорош кокетничать! Говори уже.

— Только что ты ничего от меня не хотел, а теперь хочешь всего и сразу, Саня. Нет уж, умеренность — наш девиз. Когда ты узнаешь о Кукловоде что-то новое — тогда и поделюсь своими догадками. Ты сам достанешь материал, который позволит их опровергнуть или подтвердить, — Аля бросает взгляд на изящные наручные часы. — Ладненько, что-то мы заболтались. Мне пора бежать. Не пропадай, звони, если что.

Аля машет рукой и идет к машине. Давлю соблазн схватить ее за локоть и встряхнуть все, что ей известно. Тут мне уже было бы плевать, что она — женщина, в игры она играет явно не в дамские. Однако что я ей сделаю среди бела дня, на центральной улице... Аля расчетлива, этого у нее не отнимешь.

Вот только я не хочу больше быть частью этих расчетов. Достало.

На прошлый мамин день рождения стул Олега на углу стола был пуст; теперь на нем восседает Федор, он и Оля стали частью большой семьи. То ли из-за этого, то ли просто из-за привычки отсутствие Олега не воспринимается так остро, как год назад. Да, я снова потерял младшего брата — и снова, по большому счету, по своей вине. Что ж, может, такова наша с ним судьба. Лезть из-за этого на стенку мне определенно надоело.

Главное, что мама не расстраивается. Во-первых, ее младший сын не пропал без вести, а занят на важной правительственной работе, откуда даже звонить может только раз в неделю. Во-вторых, у нас есть куда более актуальная тема для расстройства — моя племянка Юлька завалила ЕГЭ. Плохо понимаю в этих их баллах, но на наши деньги результаты ближе к тройке, чем к четверке, так что о поступлении на бюджет в этом году можно забыть.

Мамин праздник довольно быстро превращается в Натахину материнскую истерику.

— Нет, ну я же ей говорила, я сколько раз говорила: готовься к экзаменам нормально! — Натаха говорит о дочери в третьем лице, словно независимо уставившейся в окно Юльки здесь нет. — Говорила, хочешь, курсы какие-нибудь тебе оплачу или репетиторов найдем, учебники любые — я все бы обеспечила, только скажи! А эта мне: не надо, мол, мама, все под контролем, не дави на меня! И ведь не по улицам шлялась — в ноутбук пирилась целыми днями! Как я могла проконтролировать, что она не учится, а в чатах своих дурацких сидит?!

— Да ты мне вздохнуть спокойно не давала, через плечо целыми днями заглядывала! — взрывается Юлька. — Ни минуты покоя от тебя не было! И хватит уже истерить! Я работать пойду, а к ЕГЭ буду заново готовиться. В следующем году нормально сдам и поступлю.

— Работать она будет, как же! — не унимается Наталья. — Ее мусор вынести не заставишь, а туда же — работать!

Ох, ё... Сам по себе Юлькин план нормальный, но в нем есть слабое место: сама Юлька. С самоорганизацией у племянки, прямо скажем, не очень. Если уж Юля не подготовилась к ЕГЭ в школе под давлением шалеющих от страха показать дурную статистику педагогов, то шансы, что она сделает это сама, стремятся к нулю... И Натахины бесконечные истерики делу не помогут, это сто пудов.

Вступаю:

— Ну слушайте, ЕГЭ — еще не конец света. Можно же и на платное отделение поступить. Давайте посмотрим, где сколько стоит учеба. Отзывы читаем. Деньги — не проблема...

Тут я чуть кривлю душой, конечно. Деньги есть, но в свете наших с Олей семейных планов затраты на Юлин ВУЗ могут оказаться, мягко говоря, некстати. Но если Юля не начнет учиться сейчас — скорее всего, она не начнет никогда. Да, некоторые способны построить карьеру и без высшего образования, но для этого надо иметь привычку к самообразованию и неслабую дисциплину... не Юлькин случай, в общем.

Оля, конечно, как никто другой в курсе нашей финансовой ситуации, но мягко улыбается и поддерживает меня:

— Действительно, Юляша, учиться лучше не отходя от кассы. Я вот тоже думала, что ВУЗ никуда от меня не денется, а тут вдруг случился Федька, потом — Одарение... В итоге сижу на парах на четвертом десятке рядом с молодыми ребятами и девчонками.

Мама вздыхает и пробует сменить тему:

— А чего вы салат не едите? Заправка слишком острая?

— Да эта коза постоянно чипсы жрет! — заводится по новой Наталья. — От нормальной еды нос воротит, а пакетами от всякой дряни вся комната завалена! Ни в одни джинсы не влазит уже, а жрет как не в себя! И отложи свой телефон, когда с тобой разговаривают!

Действительно, Юлька выглядит раздавленной. Я ни в коем случае не сторонник анорексии, тем более у подростков, но в этой одутловатости правда есть что-то нездоровое.

— А ты бы мне еще побольше мозг выносила! — взрывается наконец Юлька. — Вечно тебе все не так! Может, своей жизнью уже займешься вместо того, чтобы бесконечно меня доставать?!

Разгорающийся скандал прерывается звонком в дверь.

— Никого больше не ждем, — растерянно говорит мама. — Может, из Дома Быта что-то срочное принесли?

Мама подрабатывает пару часов в день в мастерской по ремонту бытовой техники — не оттого, что нуждается, просто ей, как и всем, нравится применять Дар.

Выбираюсь из-за стола, выхожу в прихожую и отпираю дверь. В проем wpłyвает гигантский букет и празднично перевязанная коробка, а за всем этим маячит человек, которого я помню столько же, сколько себя, а сейчас с первого взгляда даже не признал. У моего хиканствующего брательника никогда не было такого дорогого костюма, стильного причесона и открытой улыбки.

— Ну привет, Саня, — говорит он, потом просовывается в дверь гостиной: — Мамочка, с днем рождения!

Женщины мигом забывают про свои ссоры, облепляют Олега, виснут у него на шее, визжат, шупают мышцы...

— О моей работе — ни полсловечка, — довольно гудит Олег. — И у меня как бы два часа всего. А вы сами как живы все? Рассказывайте...

Все наперебой вываливают новости, причем в основном хорошие — даже заваленный Юлькой ЕГЭ из трагедии мирового масштаба превращается в досадную, но не слишком важную неприятность. Потом мы пьем чай с домашним маминым тортом и шикарным — Олеговым. Половину стола занимает букет... забавно, вряд ли брательник до этого дня дарил кому-нибудь хотя бы букетик ромашек.

— Мам, ты вроде новый диван хотела в гостиную? — спрашивает Олег. — Может, заодно стиралку сменим, а то наша, помню, гроыхает и вибрирует так, будто в космос улететь собирается. Давай я тебе денег переведу? А то зарабатываю больше, чем успеваю потратить... Юляша, а тебе чего подарить к окончанию школы?

Первое убийство на всех действует по-разному. Олег из кожи вон лезет, чтобы показаться лучшей версией самого себя — по крайней мере, для родных.

Перед отъездом братюня заходит в свою комнату забрать несколько вещей — «мама, не волнуйся, у меня там все есть, просто скучаю иногда по футболке с Эриком Картманом и разношенным треникам». Вхожу вслед за ним, прикрываю дверь. Вынимаю из кармана телефон, кладу на стол. Сейчас, может, пригодилась бы Алина шпионская машинка, вот только у Олега-то ее нет, палевно получится.

Спрашиваю:

— Олежа, ну ты сам-то как вообще?

Брат смотрит на меня без напускной жизнерадостности; взгляд у него тоскливый, на самом-то деле. Неопределенно поводит рукой:

— Ну, как-то так...

Хочу сказать, что произошедшее на старой военной базе не было его виной... по крайней мере, далеко не только его виной. Но чертова прослушка... Говорю другое:

— Прости, что ударил тебя тогда. Не за что было.

— Ты думаешь? — в голосе Олега сквозит тревога.

— Я знаю.

Мы крепко обнимаемся. Слова нам сейчас не нужны.

Глава 3. Торжество любви внутри торжества любви

— Саня, может, без меня лучше сходишь на эту свадьбу? — Оля тревожно смотрит на заваленный учебниками стол. — Не успею же за три дня ничего выучить!

Обнимаю ее, прижимаю к себе, глажу по спине:

— Ты перед каждым экзаменом так себя накручиваешь, но все сдаешь на пятерки. Давай сходим на свадьбу, хороших людей поздравим, развеемся. Если хочешь, вернемся не поздно, успеешь еще позаниматься сегодня.

— Но я там никого не знаю...

— Да брось, многих ты знаешь. Молодым за тридцать, друзей и родственников у них мало, так что пригласили они в основном коллег. Катюха так просто всех наших сотрудников позвала.

— Ей что, в рабочее время не хватает их общества?

— Катюха дальновидная. Ей еще, может, годами с ними работать. Вот она и не хочет, чтобы кто-то помнил, что его не пригласили на свадьбу, и держал фигу за пазухой. Собирайся! Хоть платье выгуляешь.

Последний аргумент действует — стыдно сказать, но элегантное платье, купленное к собственной свадьбе, Оля так ни разу и не надела. Не очень-то у нас насыщенная светская жизнь, что уж там.

Катюха со свадьбой мелочиться не стала — сняла банкетный зал в центре, заказала элитный кейтеринг, даже карточками для рассадки гостей озаботилась. Все как в лучших домах Европы! Мои сотрудники — каждый придет в меру своих представлений о прекрасном — чередуются с ребятами из автосервиса, которым управляет жених. Работяги все на серьезных щах, в отглаженных рубашках... надо будет свалить раньше, чем они упьются и пойдут вразнос.

По счастью, нет никакого тамады с кринжовыми конкурсами — жених с невестой ведут свадьбу сами. Смотреть на них приятно, они все время улыбаются друг другу и часто берутся за руки — очень гармоничная пара. Начинаются поздравления и тосты. Все более или менее непринужденно изрекают подходящие случаю банальности. Что-то мало-мальски оригинальное говорит, пожалуй, одна только Нина Львовна:

— Я хочу вам пожелать, чтобы вы всегда друг друга уважали. Потому что брак — штука непростая. У всех пар бывают хорошие времена, а бывают сложные. Даже любовь иногда ослабевает. Но уважение друг к другу — это то, что вы должны сохранять всегда. Тогда вы переживете все ссоры и трудности.

Пожалуй, в этом есть резон — насколько мне известно, Нина Львовна счастлива в браке дольше... дольше, чем, к примеру, я сам вообще живу на свете.

Случайно или нет, но Марию посадили за дальний от меня стол — мне надо выкрутить шею, чтобы на нее взглянуть. И все равно успеваю отметить, что выглядит она неважно — как часто в последнее время. На ней безупречно сидящее коктейльное платье и грамотный макияж, который практически не виден на лице — но я же хорошо ее знаю и чувствую, что под этим всем скрываются утомление и нервозность.

Вообще не нравится мне Мария в последнее время. Она сильно похудела — не так, как стремятся похудеть все женщины, а каким-то нездоровым образом. По работе мы теперь общаемся даже больше, чем раньше — но у нас в кабинете, который я делю с Катей; это логично, ведь теперь ее фирма выступает как субподрядчик моей. Так, конечно, меньше соблазна, но и по душам не переговоришь... если это вообще уместно после всего.

Напротив нас Натаха — она всего месяц работает в моей конторе, но Катя и ее пригласила. Вот уж у кого вид самый цветущий — яркий макияж, лихая завивка, декольте чуть ли не до пупка... Сидящий рядом кругломордый усатый мужик млеет от такой красоты — аж

до меня доходит запах его свежего пота, пробивающийся через дешевый одеколон. Дяденька суетится, тянется через полстола за миской, роняет чей-то бокал и тараторит:

— Ой, я извиняюсь... Наташенька, поешьте этот салатик! И вот еще пирожки, эти с капустой, а те с печенкой. А от меня вот жена ушла, и знаете, я уже год такой вкуснятины не жрал...

Наталья недовольно дует губы и чуть отодвигается от него. Во мне вскипает ярость — какой-то хрен подкатывает к моей сестре! По привычке, отработанной с психотерапевтом, глубоко вдыхаю, медленно выдыхаю и анализирую ситуацию: что такого, собственно, происходит? Если чуть подумать, ничего криминального — дядька рук не распускает, пыжится изо всех сил, чтобы Натаху развлечь. А что он для нее несколько, скажем так, простоват — это ее проблема, а не его, и тем более не моя...

На сцену, виляя бедрами, поднимается девица с саксофоном, деланно улыбается и начинает играть. В музыке я разбираюсь слабо, но слышу, что саксофонистка фальшивит и плохо держит ритм, да и репертуар у нее простенький, кабацкий практически. Тем не менее гости слушают как зачарованные, покачиваясь в такт музыке. На бодрых мелодиях все улыбаются, на лирических — просветляются лицами, а кабанчик-Виталья даже слезу пускает — вот уж от кого не ожидал... Ясно-понятно — у исполнительницы Дар. Быть свободным от Дара в такие моменты — все равно что оставаться единственным трезвенником на разухабистой вечеринке.

Смотрю на Олю — лицо у нее взволнованное и словно бы светится изнутри. Как же она красива в этом платье... краше была бы разве что без него. Мы не так давно знаем друг друга, но Оля стала своего рода фундаментом, основой моей жизни. Неужели я мог хотя бы допустить мысль, что потеряю ее? Она такая красивая...

Открывается дверь, и в зал боком входит сутулый мужчина лет тридцати в потертом пальто не по сезону. Запоздавший гость? Вид у него совершенно не праздничный — усталый и пыльный какой-то; да еще эти лохмы — не стильные длинные волосы, а просто неопрятно отросшая стрижка. Пришелец не смотрит ни на жениха с невестой, ни на гостей, а на одну только саксофонистку. Та, почувствовав его взгляд, перестает играть, отбрасывает инструмент, бежит к дверям и повисает у мужика на шее с воплем:

— Витя! Где тебя столько времени носило?! Я так скучала!

С тревогой оглядываюсь на Катюху — нужна ли ей чужая мелодрама на собственной свадьбе? Невесты обычно не любят, когда кто-то перетягивает на себя внимание в их особенный день. У буржуев есть даже злое словечко «брайдзилла» — от bride (невеста) и Годзиллы. Но Катя только улыбается — кажется, это внеплановое торжество любви ее не сердит, а трогает.

Кто-то догадывается, что от приглашенной саксофонистки толку больше не будет, и врубает медляк в колонке. Наиболее храбрые — или наименее трезвые — гости выбирают на танцпол.

Оля сама подбегает ко мне:

— Ну, чего стоишь, Саня? Давай танцевать!

Давно я не видел ее такой оживленной... И, кажется, мы ни разу не танцевали вместе. Я и не умею толком, но сейчас это совершенно неважно. Главное — видеть улыбку в глазах любимой женщины, почувствовать под тонкой тканью платья ее тело и глупо шутить, неважно о чем — все равно оба мы будем смеяться...

Отхожу за напитками и вижу среди танцующих парочек Натаху в объятиях ее соседа по столу; сеструха не выглядит смущенной или испуганной, напротив, улыбается и старательно не замечает, когда кавалер наступает ей на ногу... К столу с напитками подходит жених, следит за моим взглядом и поясняет:

— Это Валера, лучший наш механик. Золотые руки у мужика, и почти не пьет. Вот только... простоват несколько. Зато добрый, никому подлянок не кидает и если что — всегда рвется помогать.

Валера, смущаясь и путаясь, рассказывает Натахе анекдот про поручика Ржевского — даже относительно приличный:

— День рождение, значит, у министра какого-то важного. Приходит Ржевский и несет унитаз. Все такие: «Фу-у-у, поручик!» А Ржевский им: «Министр же сам говорил, что российской экономике нужен хороший толчок!»

Анекдот так себе, но Натаха громко смеется, запрокинув голову. Что это на сестренку нашло? Она любит повторять, что не на помойке себя нашла и кавалеров ищет среди, как она говорит, мужчин состоявшихся — оттого и кукует в одиночестве уже который год. Может, она была бы счастлива с кем-то вроде этого Валеры, но никогда себе в этом не признается. Хотя сейчас, похоже, они неплохо ладили. Воистину, свадьба — удивительное дело, мощный вайб счастья новобрачных бьет прямо-таки по площадям... Люди вокруг оживлены, легко знакомятся, много смеются, а какая-то парочка всюду целуется в углу... да не одна.

Возвращаюсь к Оле. Мы танцуем еще часа полтора, при каждой смене мелодии обещая друг другу, что эта будет последней, скоро поедем домой... В такси самозабвенно целуемся, словно сбежавшие с уроков подростки. Дома Оля смотрит на разложенные по столу учебники, закатывает глаза и решительным жестом сдвигает их в сторону. Ее голос становится слегка хриплым:

— Помоги-ка мне расстегнуть чертово платье...

И до самого утра никто из нас не думает ни об учебе, ни о работе, ни о возможной необходимости в любой момент подорваться спасти мир.

Только сейчас, когда Катя по случаю медового месяца взяла двухнедельный отпуск, я в полной мере осознал, насколько же она неоценимый работник. Без нее в конторе царит хаос, я разрываюсь между десятком дел одновременно. А сотрудники, наоборот, ходят расслабленные, и я не могу их толком застроить.

Первый косяк случается во вторник: Даша перепутала время, и Виталя приехал на место преступления с опозданием в сорок минут. Я с тоской жду гневных звонков, докладных записок и укоризненных взглядов подполковника Лехи; однако, к моему удивлению, полицейские наш факап словно бы и не замечают. Пронесло в этот раз. Тем не менее я собираю сотрудников на внеплановое совещание и устраиваю начальственный разнос — каждому припоминаю какие-нибудь грешки и грожу штрафами.

Это помогает, но ненадолго. Неужели без Кати настолько все сыплется? Или свадьба виновата, все до сих пор не могут отойти от радости за молодых и переключиться на рабочий настрой? Атмосфера как перед Новым годом, когда все шатаются по офису туда-сюда и никто уже толком ничего не делает. А за окном начало лета, между прочим.

На нашего штатного гопника Виталию вдруг тоже сваливается большая любовь — не на работе, и то хлеб. Он и раньше не был Эйнштейном, а гормоны выбили из его башки остатки мозгов. Теперь куда ни пойдешь, всюду натыкаешься на него, влюбленно смотрящего на телефон и лепечущего что-то вроде «Целую тебя в носик, котенок! Обнимаю тысячу раз, чмоки, чмоки, зайчика, сладкая моя рыбонька!» Я сначала делаю вид, будто ничего этого не слышу, а потом советую ему записывать голосовухи дома про запас и отправлять в течение дня. Виталя смотрит на меня так, словно я предложил ограбить сиротский приют. Тогда я начинаю называть его котеночком, зайницей и милипиздриком — последнее уже мой собственный креатив. Виталя пытается получше прятаться, так что от тяжеловесного воркования мы избавлены; зато разыскать его, когда он нужен, становится настоящим квестом.

Видимо, это первая влюбленность в его нехитрой гопнической жизни. Все это, конечно, очень позитивно, вот только наш цветок подворотни и раньше особым старанием не отличался, а теперь и вовсе витает в облаках.

Оля сдала экзамен на тройбан, но, что удивило меня по-настоящему, совсем из-за этого не расстроилась. А вообще, делом, поглотившим все ее внимание, на этой неделе стали сборы Федьки в летний лагерь — программирование с уклоном в гейм-дизайн и английский язык. Этот лагерь мы всей семьей выбирали несколько месяцев. Хорошо, наверно, быть ребенком в наши времена... в моем-то детстве лагеря были одного типа: с линейками, манной кашей и обязательным хоровым пением, а всех развлечений — дискотеки и вылазки в соседний поселок за бухлом. Хотя смысл остался прежним — дети и родители иногда должны отдыхать друг от друга.

Федя нервничает перед предстоящей разлукой и потому отчаянно капризничает — эти шорты ему малы, ту отстойную толстовку он брать не будет... Хотя сборы начались заранее, пришлось в итоге среди ночи ехать в круглосуточный спортивный магазин за новыми футболками, потому что принт на старых нашему принцу вдруг разонравился. Оля порхает вокруг сына, утешает, успокаивает и уже трижды позвонила в администрацию лагеря, чтобы уточнить, точно ли они помнят, что у мальчика аллергия на грибы. Аллергия эта открылась недавно, и теперь даже приправы с грибным запахом в нашем доме под строжайшим запретом.

Наконец мы запихали безостановочно ноющего Федю в автобус, радостно выдохнули и устроили второй медовый месяц, то есть предались неистовому разврату — например, заказывали пиццу и ели ее прямо в постели. Не думал, что Оля с ее любовью к порядку и здоровой пище способна на такие безумства... В наш район теперь вместо живых курьеров привозят еду смешные глазастенькие роботы-доставщики, так что звонками «А как найти ваш дом, ваш подъезд, вашу квартиру?» никто не докучает.

Все было бы неплохо, если бы не необходимость каждый день подгонять сотрудников. После Катюхиной свадьбы они работали спустя рукава, и ладно бы раздолбай Виталия с его влюбленностью — но старательная Ксюша и ответственный пенсионер Владимир Ильич теперь тоже то и дело косячили: опаздывали, путали адреса и, кажется, едва слышали то, что я им говорил. Пришлось идти на непопулярные меры и вводить штрафы. Это слегка помогло, но атмосфера так и осталась расслабленной, что неимоверно раздражало.

Когда в пятницу после обеда позвонил Леха, трудно было преодолеть соблазн не взять трубку — я решил, он собрался устроить мне оптовый разнос за факэпы моих долбоклюев. Эх, сомнительное это дело — смешивать рабочие отношения с дружбой... Без Лехи мы бы такой жирный госконтракт не получили, но и проблемы разруливать сложнее, чем было бы с посторонним человеком.

Однако у Лехи в трубке голос веселый:

— С пятницей-тяпницей, трудяга! А я столик в нашем обычном месте забронировал. Как давно мы уже не сидели просто так?

— С тех пор, как ты пролез в большое начальство — точно не сидели. Ты ж говорил, что зашиваешься без продыха.

— А, ну это поначалу было. Теперь разобрался, что к чему, и пообвыкся. А если не отдыхать, то сил работать не будет... да и смысла, в общем-то, тоже. Давай, жду тебя к семи.

Вообще-то у меня куча работы, вагон бумажек оформить надо... Ну да ладно, наверно, Леха прав. В конце концов, он теперь мне вроде начальства, а начальство надо что? Правильно, слушаться.

В полседьмого запираю офис — мои герои труда уже разбежались по домам. Проявляю чудеса дальновидности и отправляюсь в паб на автобусе, который приходит с опозданием минут на двадцать — странно, мне казалось, муниципальные службы как-то наладили работу по расписанию... Но все равно я чувствую себя молодцом — автобус резво идет по выделенке мимо сплошной пробки. Замечаю три аварии — по счастью, не пострадало ничего, кроме корпусов. День жестянщика какой-то, и это в ясный, сухой летний денек...

Улица Ленина встречает меня переполненными урнами. Одна из них опрокинулась, и ветер радостно разносит над тротуаром пестрые бумажки.

Леха уже заказал на мою долю красный эль. Массивная кружка запотела снаружи, аромат хмеля обещает избавление от хлопот прошедшей недели. Хотя я давненько не заходил, официант меня узнает, спрашивает «вам рульку, как обычно?» Киваю. Грешен — люблю эту невозможно жирную свинину.

— Ну, как выживаешь, акула капитализма? — лыбится Леха.

Не похоже, что он намерен выкатить мне предьяву за раздолбайство сотрудников — такое Леха сделал бы сразу, если бы собирался.

— Я живее всех живых. Сам-то как, товарищ начальник? Жопу кожаным креслом не натер?

Леха самодовольно ухмыляется:

— Чего там то кресло! У меня теперь кабинет с дубовыми панелями и, прикинь, личная секретарша!

— Хорошенькая?

— Да ты чо, ей на пенсию скоро! Бери выше: суровая, Цербер прям. Если б не она, у меня проходной двор был бы в кабинете. А у Изольды Францевны прямо как встроенный рентген: чувствует, у кого реально дело горит, а кто перетопчется по общей очереди в порядке предварительной записи.

— Дар такой?

— Не, Дар у нее вроде к вязанию или что-то в этом роде. Были когда-то профессионалы и безо всякого Дара. Помнишь те времена уже почти былинные?

— Смутно... Как Селиванов, не выкобенивается?

— Селиванов у нас просто мистер доброжелательность, корректность и служебное соответствие, хоть на доску почета вешай... не перепутать с доской «их разыскивает полиция». А так все пучком. Прикинь, на этой неделе кривая насильственных преступлений вниз пошла, график по форме как «полшестого» прям.

— В отдел резонансных уже поставил кого-то на свое место?

— Есть кандидатуры на рассмотрении... — Леха шумно отхлебывает из кружки. — Слушай, Сань, может, хватит уже про работу, а? И так все неделю там зашиваешься, в сортир спокойно выйти не дают. Надо обязательно еще и вечером в пятницу мусолить ее, родимую?

Что-то новенькое. Обычно наши встречи на три четверти состоят из того, что Леха, брызгая слюной и временами переходя на крик, жалуется на свою работу. Не всегда, конечно: когда случается что-то серьезное, Леха говорит о работе всю дорогу — от «ну, за встречу!» до «ладно, сейчас действительно по последней, все равно кабак уже закрывается... а вроде та рюмочная на Пушкина круглосуточная?»

Официант приносит Лехин заказ. Черт, жрать-то как хочется... Спрашиваю:

— Моя рулька скоро будет?

— Сейчас уточню на кухне, — меланхолично отвечает официант, уходит и почти сразу возвращается: — Забыл вам сказать. Рулька сегодня на стопе.

— Что это еще значит?

— Значит, ну, не подаем мы ее. Кончилась, в общем. Сделайте другой заказ, пожалуйста.

— Это ж вы его сколько готовить будете! А жрать охота уже сейчас.

— Да не кипишуй ты, Саня, — миролюбиво говорит Леха. — Давай я отбивную эту с тобой распололамлю... Ну не буду же я жрать под твоим голодным взглядом! И давай тарелку колбасок возьмем, она большая, всем хватит.

— Нет, ну нормально! — возмущаюсь уже в спину официанту, который даже не подумал извиниться. — На стопе у них рулька! А если бы я не спросил, так и сидел бы до ночи голодный? Кто так работает вообще?!

— Ну хорош уже париться, Саня, — Леха делит свою порцию, раскладывает по двум тарелкам и одну пододвигает ко мне. — Терпимее надо к людям относиться. Кто как может, тот так и работает. Сам, что ли, не косячишь?

Все страньше и страньше, как говорила Алиса в любимой сказке моего детства. У себя на работе я списывал всеобщий пофигизм на расслабляющее воздействие недавней свадьбы, но Лехи-то там не было, и этого официанта — тем более. Опаздывающие автобусы, мусор на улице... По отдельности каждый случай яйца выеденного не стоит, обычное наше «никогда такого не было — и вот опять». Но чтобы настолько кучно... А главное — никто особо не возмущается, всем норм, словно бы так и надо.

Вообще все странно довольные... счастливые, что ли. Если вдуматься, мне всю неделю никто ни на что не жаловался. Даже мама звонила не чтобы, как обычно, излить свои тревоги, а рассказать, как рада за Олега и как гордится, что у него такая серьезная работа. И Оля... у меня словно фея в доме живет — ни следа раздражения или усталости, а вот уж что не было редкостью в последнее время.

Да что же я за человек такой? Моя жена счастлива, а я из-за этого как на иголках...

Осторожно говорю:

— Вообще-то мои дуралеи на этой неделе только и делали, что косячили...

— И что? — невозмутимо спрашивает Леха. — Заказы срывались? Рейтинг просел? Кто-нибудь жаловался — мои парни или там ваши клиенты?

— Да вроде нет, тихо по всем фронтам... Лех, а ты сам на этой неделе не замечал... чего-то необычного?

Леха дожевывает мясо и отодвигает грязную тарелку:

— Да, Саня. Если честно, кое-что я заметил. Ты только не обижайся, лады? Я прямо скажу. Что-то ты загоняешься не по делу. Когда в отпуске был в последний раз?

— Слушай, был ведь когда-то... В Крыму, вроде. Весной. Не этой, прошлогодней.

— Ну вот. А годик тот еще выдался, врагу не пожелаешь. Ты эта, Сань, дожидись из отпуска заместительницу свою, хватай семью под мышку и рви на юга, к морю. Отключи телефон и не парься не из-за чего. О, а вот и наши колбаски! Ща пожрешь от пуза и мигом подобреешь.

Этот телефон отключишь, как же, держи карман шире... Может, и правда нервы у меня ни к черту из-за этого всего.

— Устал ты просто, Саня, — Леха с энтузиазмом разделявает брызжущую жиром колбаску. — Плавали, знаем. Мои рукожопы иногда так накосячат, что хочется их перестрелять не отходя от кассы прямо из табельного оружия. И все вокруг тогда такое мерзкое, гнусное, бесит нечеловечески просто. Ничего, выдыхаешь — и все налаживается. Нельзя так загоняться, Саня. Ты у себя один. На вот, съешь колбаску, пока горячая...

Похоже, прав старый друг Леха. Он, конечно, Рембрандтов не читал, но с житейской сметкой у него всегда был порядок. Ну не может же, в самом деле, такого быть, что все вокруг ненормальные, а я один — нормальный. Весь строй шагает не в ногу, только Саша Егоров — в ногу. Смешно, ей-богу. Все же хорошо, надо попустить и проще смотреть на вещи.

Наверно, я смог бы в этом себя убедить; как знать, чем бы тогда эта история закончилась и закончилась бы она вообще. Но в воскресенье позвонила племянка Юлька, и голос у нее был напряженный.

Глава 4. То ли поезд тронулся, то ли я

«Нетелефонный разговор», — сказала Юлька. Понятия не имел, что она и слова-то такие знает.

— Короче, такое дело, Сань, — Юлька нервно заплетает в косички бахромку пледа, покрывающего наш диван. — Мама съезжаться решила с этим Валерой. Ну, с автомехаником. Которого на свадьбе тетки из твоей фирмы подцепила.

Ого, вот это скорость развития отношений! С другой стороны... а чего тянуть-то? Люди они оба взрослые, даже чересчур. Натаха говорить об этом не любит, но вообще-то она уже пятый десяток разменяла.

Но сперва надо выяснить главное:

— Юль, а как он вообще, Валера этот? Не бухает? Не обижает тебя или маму?

— Да не, он добрый так-то. Тюфяк такой даже. Не пьет, не курит, не буянит. На маму смотрит, как ребенок на мороженое. Гринфлаг, в общем. Мне, прикинь, детскую энциклопедию подарил, двенадцать томов.

— Ну а что, нормальный подарок... Знаешь, сколько я взрослых людей встречал, которым хотелось этой детской энциклопедией по башке настучать — раз в свое время не прочитали, может, хоть так что-то отложится. Нет, блин, то они простуду лечат антибиотиками, то на полном серьезе говорят, что в Гражданку большевики с царем воевали... А мама точно решила переезжать? Ты как, с ними жить будешь?

— Как захочу. Могу с ними, там две комнаты. Могу одна в нашей квартире. Мама сказала, три раза в неделю приезжать будет, суп мне варить, ну и вообще... быть родной матерью.

Одна... сомнительно это. Юльке восемнадцать стукнет через полгода только.

— А сама ты чего хочешь?

— Да не знаю... Вроде он норм, Валера. Я рада за маму вообще, раз ей с ним хорошо и все такое. Вот только... ну блин, не знаю, быстро все как-то.

В голосе Юльки сквозит сомнение. Уже половина пледа в косичках. Кто только расплести потом будет...

— Ну да, быстро все случилось, конечно. Сам в шоке. Но ты же взрослая уже, Юль. У мамы своя жизнь, у тебя — своя. Пойдем на кухню, чайку заварю...

К чаю у нас Олино слоеное печенье с сыром — ни в одном магазине ничего подобного не купишь. Запоздало вспоминаю о Юлькиных проблемах с перееданием — но теперь, когда мы сидим за столом, вазочку незаметно не убрать.

— Надумала что-нибудь с поступлением? Можем прямо сейчас факультет выбрать...

— Нет, не хочу на платку, — решительно отвечает Юлька. — Подготовлюсь и пересдам ЕГЭ в следующем году. А пока работать пойду. Для начала — официанткой, хоть вес лишний сброшу.

Пожимаю плечами. Для нашего бюджета это, конечно, лучше, чем платить за пять лет обучения, которое еще далеко не факт, что пойдет впрок, раз базы нет. Вот только хватит ли у Юли силы воли на годовую самоподготовку? Запихать ее сейчас в ВУЗ и как-нибудь дотянуть до диплома — оно надежнее.

Юлька, только что дожевывавшее печенье, снова тянется к вазочке, но в последний момент отдергивает руку:

— Решила же не переедать...

Похвально, вот только надолго ли ее хватит? Впрочем, своим скепсисом я ей лучше не сделаю.

— Давай репетиторов тебе найдем.

— Да я уже подобрала троих. Валера обещал их оплатить, прикинь. Он неплохо так зарабатывает в автосервисе.

— Ну, Валеру мы знаем без году неделя, посмотрим, как там пойдет. А мы с тобой друг от друга уже никуда не денемся, — улыбаюсь. — Даже не надейся.

Юлька слабо улыбается в ответ, отводит глаза и бессмысленно вертит в руках чайную ложечку. Ногти под черным лаком странно короткие... похоже, обгрызенные. Что-то племяншку сильно беспокоит.

— Юль, ты можешь рассказать мне обо всем. Даже если тебе кажется, что я ничего не смогу сделать, что никто ничего не сможет сделать... Я не буду душнить и читать мораль, честное слово. Знаешь, я же сам наломал дров в жизни, так что не стану в белом пальто стоять. Выкладывай, что стряслось?

— Да так, ничего... — лепечет Юлька, потом поднимает глаза на меня: — Мама странная какая-то стала, понимаешь? Как будто... под кайфом. Я уж думала, этот Валера ей в еду подмешивает чего-нибудь — но вряд ли, он все-таки простой, как валенок. Она раньше все время мне мозг выносила, а сейчас ей вообще пофиг стало. И ладно бы только на меня... Ее ничего не бесит, понимаешь? Раньше только и знала, что жаловаться и ныть.

Взгляд у Юльки какой-то затравленный. Пожалуй, это первый встреченный мной за неделю человек, который определенно не выглядит довольным и счастливым.

— Юль, такое вообще бывает с людьми, когда они влюбляются... А ты больше ни за кем не замечала... чего-то странного?

Юлька вскидывается:

— Почему ты спрашиваешь?

Нельзя отвечать ей снисходительным взрослым «просто расскажи». Надо что-то объяснить. А что объяснять, если я сам не понимаю ни черта? Может, у меня просто крыша подтекает — обсессивно-компульсивное расстройство или еще какая новомодная дрянь. Ничего, я справлюсь и не с таким дерьмом справлялся; вот только не втяну ли я сейчас ребенка в систему своего бреда?

Но Юля не ребенок, и что-то тревожит ее по-настоящему — сильнее, чем несданный ЕГЭ или бурный роман матери.

Говорю, тщательно подбирая слова:

— У многих в последнее время настроение такое... благостное, что ли.

На лице Юльки вспыхивает улыбка:

— Господи, ты тоже это заметил? Я уж думала, у меня кукуха отлетает... Как будто в воздухе что-то такое распылили, а меня не торкает... тебя, по ходу, тоже. Знаешь, девки мои дурные совсем стали. Мультики тупые смотрят, попсу какую-то слушают и ржут... я их не узнаю прям.

— Девки? Ты о ком?

— Ну, Танька с Каринкой. Прикинь, сегодня у Таньки на даче тусич и они меня не позвали. Чат запилили, назвали «тусим на позитиве»... и меня туда не добавили.

Юля потирает виски. Читал где-то, что у подростков чувство отверженности возбуждает тот отдел мозга, который отвечает за физическую боль. В ее годы друзья нередко ссорятся, обычное дело. Но все-таки... чем эти девушки отличаются от Юли?

— Таня, Карина... они ведь обе одаренные, так?

— Ну да, у Карины летом днюха, у Таньки — осенью, им к Одарению по шестнадцать стукнуло.

Юлька пошла в школу в шесть лет, потому большинство ее одноклассников и друзей немного старше. Юля — одна из немногих в своем классе детей без Дара.

Дети... а ведь не только Юлька — все дети вроде бы ведут себя как обычно... что теперь выглядит необычно. Федька королеву драмы разыгрывал — нервничал перед отъездом

в лагерь, и это естественно, он же никогда не расставался с мамой так надолго. И вроде бы вчера я видел на улице орущего тоддлера — то ли не хотел идти куда-то, то ли что-то ему не купили; я запомнил эту сцену потому, что мамаша не орала на ребенка в ответ, не угрожала, что бросит его прямо на тротуаре, а утешала малыша терпеливо и ласково.

— Юля, у тебя есть знакомые без Дара? Твоего возраста или младше?

— Ну, типа, есть... Андрюха из нашего класса, мы нормально общаемся. Он младше меня на месяц. Тоже бездарь.

— Не надо так о себе говорить... Можешь позвонить этому мальчику? Сейчас? Узнать, как у него дела, как настроение?

— Да легко...

Юля вызывает контакт и ставит телефон на громкую связь:

— Андрюха, привет! Как дела, как настроение?

— Да ничего, норм... — в голосе пацана нет особой печали, скорее что-то вроде скуки.

— Решил уже, куда документы подашь?

— Прикинь, не могу решить до сих пор. Предки почему-то ничего не советуют. Недавно еще суетились, как будто это им поступать, а не мне. Пока ЕГЭ шел, весь мозг мне сожрали. А теперь такие — «твоя жизнь, ты и выбирай». Вот как раз когда могли бы и посоветовать чего-нибудь...

— Ясно-понятно... — надо же, Юля подцепила у меня любимую фразу! — Чего-как сам-то?

— Ну так, знаешь... казалось, после ЕГЭ наконец заживу, а что-то грустяшка такая, ни с чего вроде... Устал, наверное. А ты как? Просто так звонишь или движуха намечается?

— Просто так. Потом объясню, бывай.

Юлька нажимает отбой и вопросительно смотрит на меня. Вздыхаю:

— Как-то все запутанно, Юляш. Так сразу и не скажу, что происходит. Но я разберусь, обещаю тебе. И не в таком разбирался. Давай мы тебе такси вызовем...

Юля уходит, а я пытаюсь преодолеть сумбур в мыслях и систематизировать то, что мне известно. Предположим, есть некое воздействие... Дар? Это какой же он должен быть мощи, чтобы столько времени поражать людей, живущих в разных концах небольшого города? Работает группа одаренных маньяков, решившихся осчастливить если не все человечество, то хотя бы наш отдельно взятый областной центр? Или, упаси бог, сверходаренный? Ну, примем как гипотезу. Тогда понятно, почему это не действует на меня; но почему не стали счастливыми Юлька, Федька, пацан из телефона, тоддлер с улицы? Все они были младше шестнадцати в Одарение и не получили Дара, но это не делает их устойчивыми к Дарам других. Дети и подростки не свободны от Дара в том смысле, как я и Олег. Однажды Юлька стукнулась пальцем о диван, и Оля Даром сняла ей боль — это было при мне, я сам это видел. Однако неизвестный благодетель, навевающий счастье, до Юльки не дотянулся. Впрочем, я же не знаю, сколько на самом деле людей затронуто и на какой территории.

С другой стороны... подросткам кажется, что все вокруг какие-то неправильные, и они от этого глубоко несчастливы. Да блин, это же и есть самая суть бытия подростком.

Когда сидишь в поезде и смотришь на соседний поезд, сначала непонятно, твой тронулся или соседний. Вот и с кукухой то же самое...

Набираю Дениса — это мой приятель, несколько лет назад перебравшийся в Москву. Отрываю его от катки в сетевой игре. Денис спрашивает, что случилось, почему я звоню без договоренности. Говорю — просто поболтать и узнать, как настроение. Денис интеллигентно матерится одними губами и сворачивает разговор. Вроде нормальная реакция, естественная... не облагороженная.

Звоню еще паре знакомых в разных концах страны. Один бодр и полон энтузиазма — работает над интересным проектом. Другой тоже в приподнятом настроении — накатило с друзьями водочки, уже почти готов шашлык, все, некогда лясы точить, бывай, Саня...

Похоже, таким способом я ничего не разужнаю. Люди бывают довольны и счастливы безо всяких трансцендентных воздействий, это нормально... Башка начинает раскалываться от этого всего.

А потом приходит Оля — свежая, радостная, красивая... Помогаю ей снять плащ и как-то само собой выходит, что на плаще не останавливаюсь. Мы отправляемся в постель сразу с порога, а потом заказываем огромный набор роллов и обжираться под сериал.

Зарываюсь лицом в ее волосы, пахнущие ванилью и мятой. Сейчас любые сомнения в том, что все происходит единственно правильным образом, кажутся не просто глупыми, а прямо-таки преступными. Чего я навывдумывал, зачем себя накручиваю? Юльке еще голову заморочил... Оля счастлива, я счастлив — и хочу, чтобы так было всегда.

Ксения смотрит на свой график выездов и картинно стонет:

— Сань, ты чего, с дуба рухнул? Я ж сдохну как та коровка...

Каменею лицом. Вообще я придерживаюсь демократического стиля руководства — сотрудники могут свободно говорить со мной обо всех проблемах. Подхалимство и лесть не поощряю, песню «Все хорошо, прекрасная маркиза» не люблю. Однако некоторые границы все же держу, и Ксения сейчас их определенно переступила.

Кто бы спорил, приятно работать в дружеском коллективе, безо всякого «я начальник — ты дурак». Но прямое хамство спускать нельзя.

— Ксения, давай посмотрим, что написано в твоём трудовом договоре. Даша, будь добра, найди его, пожалуйста, и принеси нам.

Можно было бы и электронку глянуть, но бумага с подписями выглядит солиднее. Зачем-то же мы храним всю эту макулатуру.

Даша встает, чтобы подойти к стеллажу с папками — и тут же сгибается пополам, схватившись за край стола. Черт, да она совсем бледная! Вскликаю, чтобы подхватить девушку:

— Что с тобой такое?

— Не знаю... Ничего. Живот что-то болит. Не как если отравиться, а... просто. Утром еще терпимо было, а теперь капец, как ежа проглотила.

— Дашуленька, выпей нурофенчику — и все пройдет! — подает голос Нина Львовна.

У меня челюсть отваливается. Я Нину Львовну всю жизнь знаю, и всегда она была разумной теткой, а тут такое... Почти ору:

— Ни в коем случае! Нельзя при болях в животе обезболить. Так и загнуться недолго! Даша, где именно болит?

— Да как будто... — Даша касается живота рукой и тут же морщится от боли, — то по центру, то справа.

— Ясно-понятно... Аппендикс вырезали тебе?

— Нет...

Набираю 112. Минут десять слушаю голос робота наполовину с противной мелодией, а потом оператор сообщает, что свободных машин нет, приехать смогут через три часа или как получится.

Даша совсем спала с лица, почти лежит в кресле и шипит от боли. Так, похоже, надо везти ее в больницу... Обвожу глазами притихших сотрудников, и интуиция буквально кричит, что никому из них этого поручить нельзя. В самом деле они под каким-то воздействием, или это я себя накрутил — но если кто-то из них облажается и с Дашей что-то случится, я себе этого не прощу. Черт с ним, с рабочим днем — тут вопрос жизни и смерти, похоже.

— Даша, паспорт с собой? Телефон? Зарядка? Едем в больницу.

Каждый шаг дается Даше с трудом. Подхватываю ее на руки и несу к машине — жест мог бы быть пошлым, но только не в этом контексте. На Герцена, как назло, адова пробка... опять авария? Да сколько можно, всю неделю город стоит! Даша стонет на заднем сиденье. Вот же дуреха, зачем было столько терпеть?! А если б я к вечеру в офис пришел, она бы так и померла на рабочем месте? Давлю на гудок и объезжаю пробку по тротуару. Плевать, сейчас я — экстренная служба.

— Даша, у тебя родственники есть?

— Мама. Но она за городом живет... Автобусом... долго.

— Все равно звони ей, пусть срочно приезжает.

Наконец паркуемся возле больницы, и я малодушно надеюсь, что худшее позади. Но настоящие проблемы только начинаются. Тетки в регистратуре едва шевелятся, как сонные мухи. Когда мне удастся привлечь внимание одной из них, она вяло тычет двумя пальцами в клавиатуру древнего компьютера, потом неторопливо куда-то уходит... и не возвращается. Хватаю за пуговицу другую; она говорит, что нужно сделать УЗИ, начинает куда-то звонить, потом равнодушно смотрит на меня и сообщает, что аппарат не работает, но она уже вызвала ремонтника... Даша сидит на банкетке, бледная и безучастная к собственной судьбе. Все это напоминает кафкианский кошмар. Я был морально готов сражаться за человеческую жизнь где-нибудь в глуши, с оружием, против превосходящих сил противника — но не ожидал, что придется делать это в скучных казенных коридорах среди равнодушно бредущих мимо медиков.

По счастью, у меня есть секретное оружие... Звоню Оле:

— Слушай, я в седьмой больнице, и у меня тут человек в коридоре умирает, а они не чешутся. Сильные боли в животе... Да, наверно, аппендицит, и хорошо если не перитонит уже. Ты ведь наверняка кого-нибудь тут знаешь? Дерни за ниточки, а?

— Да-да, без проблем, — спокойно отвечает Оля. — Не волнуйся, тут отличное отделение хирургии, а аппендицит сейчас совсем просто оперируют. Сейчас вас примут.

Минут через десять в приемное отделение спускается круглолицый молодой мужчина; он слегка улыбается:

— Вы от Ольги Сергеевны? Поедемте в отделение, проведем осмотр... Вот, посадите пациентку на кресло-каталку...

Только благодаря курсам по управлению гневом я удерживаюсь от того, чтобы не схватить этого самодовольного утырка за лацканы белого халата и не встряхнуть как следует. Слишком уж бесит его улыбочка...

Наконец что-то начинает происходить, Дашу возят по коридорам из кабинета в кабинет, а потом хирург подходит ко мне и доброжелательно сообщает:

— Острый катаральный аппендицит. Прямо сейчас прооперируем. Вы не волнуйтесь, операция типовая, прогноз благоприятный. Зачем тянули столько времени? Чуть не довели до перитонита...

Открываю рот, чтоб ответить — и тут же закрываю. Не дошло до перитонита — и ладно. Хотя заслуги этого богоспасаемого заведения в этом нет.

Обессиленно приваливаюсь к стене. Тупо наблюдаю за неторопливо идущей по коридору техничкой — она тащит за собой швабру, оставляя на потертом линолеуме неровный мокрый след.

Ко мне робко подходит какая-то женщина:

— Извините, а вы не знаете?..

— Извините, не знаю.

Только сейчас осознаю, что мы с Дашей тут не единственные неприкаянные пациенты. Люди бродят туда-сюда по коридорам, пытаются добиться внимания медиков — как правило, безуспешно. У стен стоит несколько каталок с пациентами, к которым никто не подходит... Да

что, черт возьми, здесь творится? Эту больницу я знаю — мама в ней дважды лежала и как-то я сам с воспалением легких загремел. Всегда это была нормальная больница. Не сияющий хайтек из буржуйских сериалов, конечно — кафель кое-где на честном слове держался и санитарки могли нахамить на ровном месте. Но персонал работал, людей лечили, никто в коридорах не загибался...

Спящую Дашу вывозят на каталке, и тут в отделение врывается полная дама, подобная цунами. Дама орет:

— Что с моей дочерью? От чего ее лечили? Как прошла операция? Куда ее теперь отвезут? Что с ней будет? Чего ей нужно?

Врач пытается ответить, но энергичная дама не слушает его, хватая за рукав, орет свои вопросы прямо ему в лицо. Потом бросается к дочке:

— Дашенька, господи, я так испугалась! Ну все, все, зайчонок, мама здесь, мама о тебе позаботится... Чего встали столбом?! Моя дочь у вас так и будет в коридоре лежать? Быстро везите ее в палату или куда там! Или я жалобу в Минздрав подам!

Смотрю на потную взъерошенную женщину, и что-то медленно щелкает у меня в башке. Она орет, суетится, нервничает — то есть ведет себя ненормально. Но именно такое поведение нормально для родителя, чей ребенок только что едва не умер. И при этом... ненормально для этого места. Для этого коридора, для этой больницы, для этого города.

Да, она же только что приехала.

Дашу отвозят в палату, перекладывают на койку. Сумасшедшая — или, наоборот, нормальная? — мамаша чуть успокаивается. Оставляю ей свой номер и прошу сообщить, как только будут новости.

Дашина мама звонит часа через три:

— Алё, Александр? Ну, у нас все хорошо, все в порядочке. Дашуля проснулась, водички попила. Доктор сказал, нормально прошла операция, простая совсем. Послезавтра Дашулю выпишут уже. Шрамы крохотные, быстро заживут. Александр, спасибо большое вам, не знаю, что бы мы без вас делали...

Моя рука, держащая телефонную трубку, чуть заметно дрожит. Голос у Дашиной мамы... счастливый.

Глава 5. Попытка к бегству

— Оля, у тебя следующая смена когда?

— Через три дня теперь, я ж до сих пор на полставки. Красота — учеба закончилась, можно валяться в постели сколько хочется...

Не похоже это на Олю — такая лень.

— Давай рванем за город, покатаемся по окрестностям!

— Что, среди рабочей недели?

— Какая рабочая неделя? У тебя смен нет, а я вовсе частный бизнесмен, сам себе хозяин!

Кривлю душой — вообще-то мне кровь из носа надо быть в офисе, а то эти сонные мухи там без меня такого наворотят... Но вывезти Олю из города кажется сейчас важнее.

— Да ну, Саня, зачем нам куда-то ехать? Чего мы там не видели, церквей этих? Толкаться по жаре среди туристов?

Оля потягивается, как бы случайно сбросив с себя одеяло... В любой другой день это было бы невероятно соблазнительно, но сейчас моя голова занята другим.

— Да откуда туристы — середина рабочей недели же! Поехали, погуляем в красивых местах, развеемся!

— Не, Сань. Мило, что ты предложил, но я не хочу... Дома дел куча. И вообще...

Ломаю голову — в Олином это характере или не в Олином? Особой тяги к путешествиям у нее никогда не было, но обычно, когда я что-то предлагаю, она меня поддерживает.

Я не успокоюсь, если не узнаю. Похоже, пора идти на крайние меры... Закрываюсь на балконе и набираю Федю:

— Привет, ну как оно в лагере? Ага, понятно, здорово, рад за тебя. Извини, что отвлекаю, но мне нужна твоя помощь...

Нехорошо, конечно, подговаривать ребенка врать матери, но отчаянные времена требуют отчаянных мер.

Через пол часа Оля выходит из кухни, где готовила завтрак:

— Представляешь, Федька сейчас звонил. Он там выиграл какой-то отборочный конкурс, и его хотят в соседний областной центр везти на соревнования. Но не могут, потому что я не подписала доверенность или что-то в таком роде. Глупости же, правда? Я им кучу бумажек подмахнула уже. Разберутся ведь как-нибудь?

Делаю страшные глаза:

— Оль, а как они разберутся, если нет доверенности?

— Ну не знаю... Может, я пустой лист подпишу и экспресс-почтой отправлю, а они там впишут все что нужно?

— Ага, а потом обнаружишь себя с кредитом на сто пятьсот миллионов?

— Так не хочется ехать...

Вот это уже совершенно точно странно. Оля — не идеальный человек, но она всеми силами стремится быть идеальной матерью, и сейчас это стремление борется в ней... с чем?

С тем, что овладело моим городом.

Бессовестно давлю и манипулирую:

— Ты понимаешь, что Федя уже год фанатеет по гейм-дизайну? Это не глупое хобби, а отличная профессия, между прочим, одна из самых высокооплачиваемых! И он не из-под палки этим занимается, а в самом деле горит. Хочешь, чтобы он пропустил соревнования, к которым, считай, год готовился? Из-за того, что тебе некогда подпись на доверенности поставить?

Олин взгляд беспомощно гуляет по комнате. Надежнее, конечно, было бы соврать, будто Федя заболел. Но такого Оля потом не простит.

Додавливаю:

— Тут всего-то двести километров. Быстро обернемся. Давай, одевайся. К вечеру уже дома будем.

Оля не находит аргументов и начинает медленно и неохотно, словно рабыня на плантации, собирать вещи. Я понимаю, что это уже практически насилие, но чем иррациональнее ведет себя Оля, тем сильнее я убеждаюсь, что из города ее нужно вывозить любой ценой.

Болтая что-то отвлекающее, тащу ее к машине, заталкиваю внутрь, пристегиваю. Рву из города — не на то шоссе, которое нам нужно, а на то, куда проще выехать; Оля ничего не замечает, ее взгляд блуждает по сторонам, рот открывается и тут же закрывается — словно ей нужно что-то сказать, но она не знает что.

Останавливаемся на светофоре. Оля начинает судорожно копаться в сумочке и бормотать:

— Я забыла... Что-то же я забыла... Надо вернуться, Саня, надо сейчас же вернуться домой.

Она тянется к внутренней ручке. Ору:

— Си-идеть!

Оля затихает. Никогда на нее не кричал.

Проезжаю пешеходные переходы на красный и отчаянно превышаю скорость — пусть потом придут штрафы на половину зарплаты. Табличка с перечеркнутым названием города остается позади. За окном мелькают пригороды, потом деревеньки, и вот, наконец — поля. Оля смотрит перед собой пустыми глазами, а потом безо всякого предупреждения начинает вдруг не плакать даже — рыдать, отчаянно и громко, как двухлетний ребенок.

Звучит по-маньячески, но как же меня сейчас радуют слезы любимой женщины. Я ведь чувствовал все это время, что та довольная, игривая, словно котенок, Оля не была настоящей.

Правда, радость оказывается короткой — слезы быстро переходят в настоящую истерику. Оля беспорядочно стучит по панели перед собой, выгибается всем телом — хорошо, ремень ее сдерживает, а отстегнуть его она не догадывается. Это уже становится опасно. Съезжаю к придорожному мотелю и почти силой вытаскиваю Олю из машины.

Администратор, пожалуй, имеет все основания вызвать полицию — мужчина тащит в номер отчаянно рыдающую женщину. Однако прыщавому парню все до лампочки; не снимая наушников, он бросает на стойку ключ и говорит «три тыщи». Хорошо, что я по старой привычке таскаю в кошельке наличность. Почему администратору настолько плевать на работу? Неужели мы все еще в зоне действия... этого? Нет, вроде морда мрачная, без идиотской печати блаженства.

В номере Оля продолжает рыдать, но уже тише — силы заканчиваются. Укладываю ее на скрипучий пружинный матрас, застеленный сомнительной чистоты бельем. Обнимаю, утешаю, как ребенка. Постепенно она выдыхается и засыпает. Не решаюсь даже выйти за водой — страшно оставить ее одну.

Оля просыпается, когда начинает темнеть. Лицо у нее испуганное, озадаченное — но осмысленное, господи, осмысленное!

— Саша, — медленно говорит она. — Что это за чертовщина со мной случилась?

Мы жуем просроченные чипсы из выцветшего пакета и запиваем теплой газировкой. Ничего другого у администратора не нашлось, а жрать зверски хочется после всей этой нервотрепки.

Я, как смог, рассказал все, что пережил и успел понять. Сердиться на нас с Федькой за обман Оля даже не подумала.

— Да, пожалуй, началось все действительно с той свадьбы, — кивает Оля. — Я там сколько шампанского выпила? Три, четыре бокала? Вот как будто с тех пор и не трезвела...

хотя ни похмелья, ни потери координации не было. Нет, даже пьяный человек хоть и теряет контроль, но остается собой... тут другое. У меня во время беременности было похожее — безмятежность такая, ровное ко всему отношение. А потом попробовала я взять в уме пять процентов от семисот — и не смогла, представляешь? Такой как бы мысленный синий экран, как у сломанного компьютера. Знала уже, что это нормально, гормоны так работают — а все равно жутко перепугалась. А тут, значит, все зашло дальше, тут я даже не понимала, что изменилась. Как же здорово, что Федька не в городе!

— Кажется, с детьми ничего не произошло.

— Господи, хоть тут пронесло! У детей такой гормональный всплеск и потом упадок могли бы дать долгоиграющие побочки... Человек не создан для постоянного счастья, понимаешь, Саша? Биохимически — не создан. Все классик наврал про птицу для полета. Мы должны временами испытывать тревогу, страх и боль, чтобы функционировать нормально. Наши гормоны... ах черт, гормоны!

— Что «гормоны»?

— Анализы на гормоны! У нас же гинекология, их постоянно делают... На той неделе они все пришли невалидные. Такого гормонального фона у людей просто не может быть. Врачи решили — в лаборатории так накосячили. Вообще-то это ЧП... но все очень спокойно отреагировали. Да что там, вообще не отреагировали... Черт, Саша, мне срочно нужно на работу, прямо сейчас! Там же вообще всем на все наплевать! Чудо, что у нас в отделении никто не умер за неделю.

— Оля, ты же понимаешь, что если сейчас вернешься на работу, тебе точно так же станет на все плевать. А еще тебе придется каким-то образом забыть этот разговор, неизвестно, как это повлияет на психику... Оля, я не хочу, чтобы ты возвращалась. Позвони на работу, соври, что заболела — всем будет пофиг, сама понимаешь.

— А ты?

— Мне-то что сделается? На меня эта фигня не действует... значит, все же чей-то Дар. Я должен разобраться, что происходит с городом и как это прекратить. Видишь же — кроме меня, никому. Мама, Натаха, друзья, раздолбаи эти с работы... Не могу же я всех вывозить силком. Чудо, что меня в этот раз за киднеппинг не приняли. Давай переночуем здесь, а завтра отвезу тебя куда-нибудь... поближе к Федьке, например. Снимем гостиницу или лучше даже квартиру...

— Сань, я взрослый дееспособный человек. Умею пользоваться общественным транспортом и сама способна найти жилье. — Оля с минуту роется в сумочке. — Паспорт, ключи, телефон, карта — все при себе. Не пропаду. А ты очень сильный, Саня. Остался собой под таким давлением.

— В смысле? А, да при чем тут «сильный». Мне же просто вышла такая устойчивость... вместо Дара.

— Нет, Саня, дело тут не во «вместо Дара». Есть такая штука — конформность. Люди обычно делают то же, что и другие вокруг них, и убеждают себя, что это правильно. Опыты еще проводились — девяти детям давали сладкую кашу, а десятому — соленую. Так вот, потом все говорили, что каша сладкая, и десятый чаще всего повторял за ними. На взрослых это тоже работает. Проще и безопаснее быть как все... Если бы я оказалась на твоём месте, то сама себя убедила бы, что все нормально, так и должно быть.

— Я ведь тоже чуть себя в этом не убедил... Но дело было в тебе. Я же тебя люблю всякой — раздраженной, усталой, злой... не только милой и счастливой. Не мог отделаться от ощущения, что теряю тебя. А я не хочу тебя терять.

— А ты ведь только что в первый раз сказал, что любишь меня. Просто так взял и сказал это вслух, — Оля мягко улыбается. — Знаешь, Саша, я теперь счастлива. Безо всяких зомбирующих воздействий — счастлива.

Леха рассеянно оглядывает свой кабинет с дубовыми панелями и непременно портретом президента — словно видит его в первый раз. Так же вела себя Оля, когда пыталась найти предлог не уезжать из города. Леха сейчас не обдумывает то, что я рассказал, его мозг занят другой задачей — он пытается уложить это в картину мира, в которой ему комфортно. То, что в нее не уложится, он просто проигнорирует.

— Слушай, Сань, хреновое это дело — нервный срыв, — неуверенно говорит Леха. — Сейчас-то Оля как, нормально?

— Сейчас с ней все хорошо, потому что она не в городе.

— Ну и слава богу... Передай ей от меня привет, и пусть выздоравливает поскорее. Вообще, с женщинами такое бывает... гормоны, эмоции... ты, короче, не принимай близко к сердцу. А в седьмой больнице бардак, конечно! Убийцы в белых халатах в край оборзели. Пусть эта твоя секретарша, как оклемается, жалобу в Минздрав пишет. Но это же не наша сфера, что я сделаю-то?

Из всего, я что я говорил, Леха воспринимает только то, что может объяснить.

— А сам ты как насчет на выходных за город смотаться, развеяться?

— Да ты чо, какое развеяться?! Работы во, — Леха энергично проводит ладонью по горлу.

— Ты ж сам в пятницу говорил — «если не отдыхать, то сил работать не будет... да и смысла тоже».

— А, ну это конечно! Только, ты не обижайся, планы на выходные у меня есть уже. Я тут с девахой одной познакомился — просто огонь! Пока ничего не было, но, похоже, намечается... Так что сорян, в другой раз с тобой покатаемся.

Ну, кто бы сомневался... Так что, выходит, остается мне только заделаться клофелинщиком на старости лет? Подсыпать Лехе в пиво чего-нибудь, затащить в машину, вывезти — да хотя бы в тот же мотель, дать проораться, пока не прочухается... Вот только он же не Оля, он вряд ли будет рыдать — скорее уж драться полезет. Да и вообще похищение большого полицейского начальника, хотя бы даже и лучшего друга, чревато боком. Если что-то сорвется, Леха, пожалуй, закроет меня в психушке — для моего же блага.

Но даже при самом лучшем раскладе, если Леха придет в себя и осознает глубину развершейся под нами бездны — что он сможет сделать? Дистанционно отдаст верные распоряжения? Не думаю, что кто-то станет их выполнять. Пришлет помощь? Но любая помощь сама через пару часов будет бродить с идиотской улыбкой и только что не пускать слюни.

— Ладненько, Сань, круто, что поболтали, — в улыбке Лехи сквозит явное облегчение. — У меня тут совещание скоро... Нудятина, но деваться некуда, труба зовет... Ты заходи, если что, у Изольды Францевны ты в списке «впускать всегда». Давай, Олечке привет, береги ее...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.